Summer Harbour

V

علیشیر نوائی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Перевод
Семена Липкина

ТАШКЕНТ • 1968

(Узб) 1
Н 15

Р е д к о л л е г и я

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *Н. Маллаев*

Оформление Народного художника Узбекской ССР *И. И. Икрамова* и *П. Д. Воронкина*

7-4-3

Подп. изд.

Глава первая

О том, как родился Кайс и стал совершенным в глазах любви и дорогим для людских сердец

Измученный в цепях любви! Таков
Железный звон и стон твоих оков:

Жил человек в стране аравитян,
Возвел его народ в высокий сан.

Он был главою нескольких племен,
И справедливым был его закон.

Он бедным людям, чей удел суров,
Предоставлял гостеприимный кров,

Их ожидал всегда накрытый стол,
Всегда подвешен был его котел,

Весь день, всю ночь пылал его очаг,
Огонь сиял у путника в очах,—

Сиял он путеводною звездой
Застигнутым пустынной темнотой.

Искусство щедрости его влекло,
И превратил он мудрость в ремесло.

Его стадам подобных в мире нет:
Баранов сосчитать — цыфири нет,

Всех знаков чисел не хватило б нам,
Чтоб счет вести верблюдам и коням.

Но только сына старцу не дал рок,
На горькую печаль его обрек.

Он всем владел, а жаждал одного:
Чтоб милый сын родился у него,

Чтоб не слабела с бренной жизнью связь.
И жаждал крепче, старше становясь.

Он мыслил: обветшала утварь дней,
Прогнило древо жизни до корней,—

О, если б тополь молодой расцвел!
Пусть клонится к паденью старый ствол,

Но тополь над склоненною главой
Раскинет тень, шумя своей листвой.

Он мыслил: раковина пропадет,
Но будет жемчуг радовать народ.

Пусть я, богатства накопив, умру,—
Не даст наследник пропадать добру.

Пусть ввечеру зайдет моя заря,—
Взойдет другая, веселей горя.

Она взойдет над племенем родным,
Охватит небо пламенем своим...

Нет, соловей над высохшим кустом
Не станет петь... Иль ты забыл о том?

Когда свечи истлеет фитилек,
Не станет светом резвый мотылек.

Ты цели не достиг в конце пути?
Так цель свою в терпенье преврати!

И старец не роптал и не просил
И жребий свой носил пред богом сил,

И заслужил смирения венец,
И сына даровал ему творец!

А сын какой! Сердца испепелив,
Влюбленных Мекку в нем явил халиф.

Ты мысли раковиной назови,
А плод любви — жемчужиной любви,

Зефиром в сокровенном цветнике,
Сапфиром в драгоценном тайнике!..

Высокий лоб, любовью озарен,
Являл добра и верности закон.

Любовь — страна. Воскликнул шах страны:
«Пусть от звезды незримой до луны

Светила все ночной украсят пир:
Звезда любви в земной скатилась мир!»

И сразу потемнел небесный свод:
Ушел на пир созвездий хоровод...

Заволновалось воинство любви,
Печаль построила войска свои.

Беда младенческих коснулась век:
«Здесь будут русла горьких, скорбных рек».

Разлука кудри гладила, скорбя:
«Я дождь камней обрушу на тебя».

Страдание омыло рот ему:
«Я пламя вздохов к небу подниму».

Любовь заговорила, тронув грудь:
«Ты, чистая, моим жилищем будь!»

Отец, гордясь жемчужиной своей,
Жемчужинами одарял людей.

Он Кайсом порешил дитя наречь
И нянькам поручил дитя беречь.

И вот, закутан в соболь, в горностай,—
Бутоном розовым его считай! —

Ребенок в колыбели, как в саду,
Или, верней, как лепесток в меду.

И чистотою внутренней блестя,
Покой и радость нянчили дитя,

Его от злого рока стерегли
И как зеницу ока берегли.

Дитя напоминает нам слезу:
Ребенок в доме, как слеза в глазу.

Он в бархате едва ли не лежал,
Он косточкой в миндалине лежал!

Стоял народ вокруг его шатра,
Чтоб не прошли холодные ветра!

Но пред судьбой бессильны сотни слуг:
К младенцу в колыбель проник недуг.

Вздохнет он — видишь: горе глубоко,
Глотнет он — станет кровью молоко.

Украдкой тянется к огню дитя,
Любовным пламенем его сочтя,

И так как ноги по земле не шли,
Он ползать начал с первых дней в пыли

Страданье было неразлучно с ним
И вырастило мальчика больным.

Когда грудным младенцем плакал он,
Всем чудился тоски великой стон.

Когда слова произносить привык,
Резцу он уподобил свой язык.

Когда беседовать он стал с людьми,
Казались мудрецы пред ним детьми.

Манило всех горение в очах
И радость вдохновения в речах.

Он душу покорял, он увлекал,
В живую плоть он слово облекал,

Из уст прекрасных вылетев едва,
В сердца людские падали слова!

Услышали об этом чуде все,
Узреть его мечтали люди все,

И толпами со всех сторон текли,
И, глядя, наглядеться не могли.

Того привел в смятенье лик его,
Другому в сердце ум проник его.

Он был мечтой, любимцем бедняков,
И сто красноречивых стариков

Немыми станут, уст не разомкнут,
Когда рассказывать о нем начнут!

Родителям он дорог был равно,—
Два сердца, полюбившие одно.

И, поражаясь чаду своему,
Его словам чудесным и уму,

Сказали так: «Да минет горе нас,
Пусть мальчика дурной не сглазит глаз!

В шелка заботы кутая дитя,
Окурим дикой рутою [1] дитя!»

Когда вступил он в пятую весну,
Решил отец: «Учить его начну».

И, не теряя времени, велел —
Среди родного племени велел —

Учителя для мальчика найти,
Наставника, вожатого в пути,

Чтоб милый Кайс достойным сыном был,
Великих знаний властелином был,

Чтоб в чуждых землях край прославил свой
Чтоб с поднятой ходил он головой...

И я, наставник, знанием влеком!
Сам разум у тебя — учеником.

Скорей листок ребенку в руки дай,
А мне урок любви науки дай!

Глава вторая

О том, как Кайс начал учиться в школе, увидел красоту Лейли, и занозы любви вонзились в его сердце

Тот, кто уроки мне давал не раз
В науке слова, так повел рассказ:

Для Кайса начали искать вокруг
Наставника и знатока наук.

В той местности наставник славен был,
По нраву ангелам он равен был.

Учил детей он племени всего:
Не знал отрадней бремени сего.

Звезда наук, он был земле не чужд,
Открыл он сердце для народных нужд.

Высокий саном, был он к лести глух,
Превыше сана был высокий дух!

Был гнев его горячим, жестким был,—
В его руках и камень воском был!

Был гнев самумом,— не губил он роз,
Из племени былинки не унес.

Вкусивший светлый хлеб его щедрот,
Лепешкой жалкой солнце назовет!

Конюшней старой пред его страной
Казался беспредельный мрак ночной.

Родимый кров от недругов храня,
Он был сильнее ветра и огня.

От всех печалей мира и невзгод,
Как крепость, ограждал он свой народ.

Жемчужинами был мудрец богат,
Но лишь одною восхищался взгляд.

Взрастил он много роз в своем саду,
Но лишь одной ценил он красоту.

Светильником гордился лишь одним,—
Как искра, тлело солнце рядом с ним!

В его дому была свеча одна,
Как в небесах всегда одна луна,

Но та свеча была такой луной,
Перед которой слепнет глаз дурной.

Нет, не свеча, а кипарис блестит,
Которому завидует самшит!

Нет, не луна, а счастья звездный дар,
Не звездный дар, а солнца грозный жар!

Кто губы разгадает, кто поймет?
По цвету — финики, по вкусу — мед.

Ланитам кто сравненье дать готов?
То — луны под завесой облаков.

Как солнце — лик ее в ночи волос,
Ночное небо солнцем обожглось!

О ночь! Лейли![1] Мы смотрим на тебя,
Рассвета блеск забыв и разлюбя.

Две брови черные на белом лбу,
Соперничая, начали борьбу,

Но родинка вмешалась в бранный спор,
И брови не воюют с этих пор.

Даруют брови, сведены басмой,
Свет полнолунья, спорящий со тьмой,

Их кипарисами назвать могу:
Неправда ль? Ветер их согнул в дугу!

Два глаза — два могучих колдуна.
Им сила чародейная дана.

О, дремой осиянные глаза!
Истомой опьяненные глаза!

Над вами кипарисы в жаркий день
Простерли страстного желанья тень.

Чему я уподоблю ряд ресниц?
То — войско негров у своих границ.

Мигание? То негры пред тобой
Затеяли междоусобный бой.

Нет, неграми ресницы не считай!
Давно богат газелями Китай,

Потребны копья нам для ловли их,
Ресницы — копья. Взять готов ли их?

Он, сути не меняя основной,
На многое нанес узор иной.

Его Фархаду дан был царский сан:
Его отцом китайский был хакан [5]...

А я, ведя иначе войско слов,
Поход повел сначала, как Хосров:

Слова начала людям по душе [6],
Когда они знакомы им уже.

«Алиф» у веры отними [7] — она
Из милосердья в зло превращена.

Мы в солнце видим золото [8]. Заметь:
«Шин» отпадет — и остается медь.

* * *

Подай мне, кравчий, яркую свечу,—
Не свет свечи, свет солнца я хочу!

Едва лишь солнце горы озарит,
Я, как Фархад, начну дробить гранит.

Глава XII

РОЖДЕНИЕ ФАРХАДА

Скорбь бездетного китайского хакана. Рождение наследника. Тайная печать судьбы. Ликование старого хакана. Торжества в Китае.

Купец китайский кто облюбовал,
Тот так халат цветистый расшивал.

* * *

Да, красотой своих искусств Китай
Пленяет мир и обольщает рай!..

Был некогда в Китае некий хан,
Не просто хан,— великий был хакан.

Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.

Был до седьмого неба высотой [1]
Хаканский трон роскошный золотой.

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счеть его войска.

Таких богатств не видел Афридун [2],
Казался б нищим перед ним Карун [3].

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, рудником глубоким не был он,—
Был солнечным высоким небом он.

Его взыскав, ему давало все
Судьбы вертящееся колесо;

Как никого, прославило его,
Единственным поставило его,

Единственным настолько, что ему
И сына не давало потому.

Венцом жемчужным обладает он,—
О жемчуге другом мечтает он.

В саду его желаний — роз не счесть,
Но есть одна — о, если б ей зацвесть!

Он, льющий свет на этот мир и тот,
Сам будто в беспросветной тьме живет.

Он думает: «Что власть, хаканство? Нет,
Я вижу: в мире постоянства нет.

И вечности дворец — не очень он
Высок, пожалуй, и непрочен он.

И чаша власти может быть горька.
И человек, процарствуй хоть века,

Чуть он хлебнет вина небытия,
Поймет все то, что понял в жизни я.

Хакан, чей трон, как небосвод, высок,
Бедняк, чей кров — гнилой кошмы кусок,—

Обоих время в прах должно стереть:
Раз ветвь тонка, то ей не уцелеть...

Ты смотришь в небо тщетно, властелин,—
Где жемчуг твой заветный, властелин?

Без жемчуга — какой в ракушках прок?
Хоть океан безбрежен и глубок,

Но жемчуга лишенный океан —
Что он? Вода! Он, как хмельной буян,

Бессмысленно свиреп, шумлив и груб,
Лицо — в морщинах, пена бьет из губ.

Хоть тополь и красив, но без плодов,—
Он только топливо, охапка дров.

От облака — и то мы пользы ждем,
Оно — туман, коль не кропит дождем.

Огонь потух — в том нет большого зла:
Раздуешь вновь, пока хранит зола

Хоть уголек, хоть искорку... А я...
Ни искрой не блеснет зола моя.

Я море безжемчужное, скажи,
Что я стоячий пруд,— не будет лжи.

Владыка я, но одинок и сир.
И лишь покину этот бренный мир,

Повязка — лунный луч на волосах...
Рок видит смерть свою в ее глазах!

Вся хороша, от головы до ног,
Любви душа — от головы до ног!

Она выходит. Властная краса
Смущает мир земной и небеса.

За ней — служанки, юны и стройны,
Как приближенные самой весны.

И в школе стало празднично, светло:
Игривое веселие пришло!

Учитель счастлив: миновал недуг.
Он отпустил гулять ее подруг.

Как солнце для небес и для земли,
Была для школы светочем Лейли:

Лейли, как ночь весны, сердца влечет!
Ей оказали девочки почет,—

Созвездья так приветствуют луну,
Так сад встречает юную весну.

Все расцвело. Лишь дерево одно
Дыханьем осени обожжено,

Пылает увядания огнем,
И пожелтела вся листва на нем:

Увидел Кайс весеннюю зарю,
И стал он весь подобен янтарю.

Вокруг царила юная весна,—
Его лицо покрыла желтизна,

Дыханье осени в его крови:
Восточный вихрь ворвался, вихрь любви.

* * *

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое взошло.

Не солнце — роза. Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

О, не подумай, что огонь так жгуч:
То вспыхнул скорби неуемной луч...

Едва младенец посмотрел на свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал.

Не сердце получил младенец,— он
Был талисманом горя наделен,

И просверлил нездешний ювелир
Свое изделье, выпуская в мир.

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханье — весть гнетущих грез,

Печать единолюбия на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Сказало небо: «Царь скорбящих он».
Сказал архангел: «Царь горящих он».

Хан ликовал. Он стал настолько щедр,
Что море устыдил и глуби недр.

Издал хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,

Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков... Шелка́ —

Узорные, тяжелые, пестрят,
Украсили за домом дом подряд.

Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

В те дни народ мог делать, что хотел,
Но нехороших не случилось дел.

С тех самых пор, как существует мир,
Нигде такой не праздновался пир.

Все скатерти — не меньше неба там,
Как диски солнца, были хлебы там.

Снял с землепашцев, как и с горожан,
За пятилетье подати хакан.

Народ в веселье шумном пребывал,
И караван невзгод откочевал

Из той страны китайской, и она —
Счастливейшая среди стран страна:

Нет ни морщинки на ее чертах [4],
А если есть кой-где, то в городах...

* * *

И мне хоть кубок выпить, кравчий, дай
Той красной влаги, что на весь Китай

Лилась рекой на щедром том пиру,
Чтоб вдохновиться моему перу!

Глава третья

О том, как Кайс увидел Лейли в весеннем саду и упал в беспамятстве

Была пора, когда ликует хмель,
В пустыне распускается щавель

И светятся светильники садов
Неугасимым пламенем цветов.

«О, попугаем быть — веселье мне.
О радуга! Ты — ожерелье мне!»

Так небо говорит. Не веришь, нет?
Так почему ж оно зеленый цвет —

Цвет попугая — придало земле?
Так почему ж земля — в пуху, в тепле?

Да, небо — попугай. Земля — птенец.
Ты понял эту правду наконец?

С царевичем (так было суждено)
И счастье государства рождено.

Хакан подумал: «В этом смысл найди:
Блеск — это «фарр» [2], а знак судьбы — «хади».

Так имя сыну дал хакан: Фархад...
Нет, не хакан,— иные говорят,

Сама любовь так нарекла его,
Души его постигнув естество.

Не два понадобилось слова ей,—
Пять слов служило тут основой ей:

«Фирак» — разлука. «Ах» — стенаний звук,
«Рашк» — ревность, корень самых горьких мук,

«Хаджр» — расставанье. «Дард» — печали яд.
Сложи пять первых букв [3], прочтешь: «Фархад».

Как золотая клетка ни блестит,
Однако птица счастья в ней грустит.

Пышна Фархада колыбель, но в ней
Все плачет он, тоскует с первых дней.

Невеста небосвода [4] день и ночь
С него очей не сводит: чем помочь?

Десятки, сотни китаянок тут,
Как соловьи сладчайшие, поют,

Но в нем печаль, какой у детства нет,—
Навеять сон Фархаду средства нет!

Кормилица ему давала грудь —
К соску ее он не хотел прильнуть,

Как тяжелобольной, который в рот
И сладкий сок миндальный не берет.

Другою пищей дух его влеком,
Другим Фархад питался молоком:

То — молоко кормилицы любви,—
Ему в духовной вылиться любви.

Фархад особенным ребенком рос:
Как муравей питаясь, львенком рос.

В год — у него тверда была нога,
В три — не слова низал, а жемчуга,

И речь его не речью ты зови,—
Зови ее поэмою любви.

В три года он, как в десять, возмужал,
Все взоры этим чудом поражал...

Отец подумал, что пора начать
Наследника к наукам приобщать.

Учителя нашел ему хакан,
Чьи знания — безбрежный океан,

Кто так все тайны звездных сфер постиг,
Что в них читал, как по страницам книг,

И, на коне раздумья вверх несясь,
Все отмечал, все приводил он в связь;

Хотя и до него был разделен
На много клеток небосвод, но он

Так мелко расчертил его зато,
Что небо превратилось в решето.

И если мудрецам видны тела,
То телом точка для него была [5].

Постиг он все глубины естества
И математики и божества.

Но ветер по степи гулять начнет,
И черногрудки пустятся в полет!

Утиная головка нам видна:
Фиалка у пруда растет одна.

Уста раскрыл бутон: роса весны
Блестит, как зубы дивной белизны,

Он рассмеется — и судьба зальет
Ему горячей кровью нежный рот.

Нарцисс попросит влагу пьяниц вдруг —
И кубком станет померанец вдруг!

Вот белой розы лепестки в вине:
Они подобны салу в казане!

Прольется ранняя роса на луг,
И вспыхнут маки красные вокруг.

Вот птицы, вот голубка с голубком:
Сидят рядком — и полетят рядком,

И листья, одеяния стволов,—
Теперь для птиц уединенья кров.

И люди, прегрешенья не страшась,
Уходят в степь в благословенный час,

Вином янтарным душу веселят,
В кебаб душистый превратив ягнят...

В такое время светлое в году
Ученики рассыпались в саду.

Был этот сад сирийцами взращен,
Второй Ирем [4], не сад, а сладкий сон.

С отрогов Неджда [5] прибежал ручей,
Он сделал сад красивей и свежей.

Там возвышались пальмы, теша взгляд,
Венки себе сплетая из плеяд.

Камнями всех времен и всех судеб
Теперь засыпан сад, ручей ослеп...

Кайс и Лейли в толпе вошли в Ирем.
Понравились его тюльпаны всем,

Но их сердца похожи на тюльпан:
Они в ожогах от любовных ран.

Все на бутоны смотрят без конца,
У этих сжались, как бутон, сердца!

Лейли сильна: любовь горит внутри —
Спокойна с виду, сколько ни смотри!

Но Кайс не в силах сдерживать себя:
Ушло сознанье, сердце погубя!

О чем ни спросят, он молчит в ответ,
Как будто в тех вопросах смысла нет.

Он против наваждения восстает,—
Любовь себя невольно выдает:

То вздох раздастся, то блеснет слеза...
Тогда решает он поднять глаза

На луноликую свою любовь,
Чтоб возвратить себе сознанье вновь,

Но посмотреть, о боже, силы нет,
А не смотреть — так тоже силы нет!

Лишь краем глаза изредка глядит —
И пламень вздоха из груди летит.

Тот пламень торжествует над весной,
Покрыв листву шафранной желтизной...

Как бы случайно, равная луне
Глядит на Кайса: все ли он в огне?

И видит: тело скрючено его,
И вся душа измучена его,

Погибнет смертью неминучей тут!
Но как найти удобный случай тут?

Когда бы дети отвлеклись на миг,
Чтобы ее огонь в него проник!

Страсть угрожает бедствием ему.
Как подойти с приветствием к нему,

Чтоб жизнь убитому вернуть опять
Ему свое волненье передать!

Обширен сад, и много в нем цветов.
И розовые заросли кустов —

Завеса для влюбленных иль шатер,
Куда не попадет нескромный взор.

Детей веселых закружился рой,
И, словно увлеченная игрой,

Лейли отстала от своих подруг,
Попала вдруг на потаенный луг:

Кто в этот розовый приют войдет,
Того никто вовеки не найдет.

Но вот, раздвинув красные кусты,
Туда заходит роза чистоты —

И видит плачущего соловья...
Как роза, разорвав одежд края,

К земле приник и горько плачет он,
И горьких слез любви не прячет он:

Хан утешал: «Все дети таковы».
Мать плакала: «Нет, только он, увы!»

Ах, не могли они его судьбу
Прочесть на этом скорбном детском лбу!

Когда Фархаду стало десять,— он
Во многих был науках искушен,

И в десять лет имел такую стать,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Все знать и все уметь хотел Фархад.
Оружием наук владел Фархад,

Оружием отваги — силой сил —
Теперь он также овладеть решил,

И не остался пред мечтой в долгу:
В кольцо сгибал он радуги дугу,

Соединять ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить;

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья Рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копье

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Он горы так умел мечом рассечь,
Что прорубал в горах ущелья меч.

Здесь нет людей — одна земля в цвету!
И подступает песнь любви ко рту.

Когда пред розой соловей возник,
У бедной розы онемел язык.

Но все ж какие-то нужны слова,—
И молвила, в себя придя едва:

«О дивный юноша, мне жаль тебя!
Какая мучает печаль тебя?

Отрада всех людей тебе чужда,
Услада всех людей — твоя беда!

В часы, когда подул весны зефир,
Когда благоухает вольный мир,

И люди, юной радости полны,
Стремятся в заповедники весны

На пышное цветение взглянуть,
Свободу на мгновение вдохнуть,—

Тебе, тебе лишь радость не близка!
Бежит соленой влагою тоска!

Открой свою печаль. О чем твой стон?
Чем озабочен ты? Кем огорчен?»

От этих слов он обезумел. Нет,
Он онемел — и написал ответ

Кровавыми слезами на лице.
Нет, загорелось пламя на лице!

О нет: на языке кровавых слез
Он пламенную к ней мольбу вознес:

«О ты, кто заронила в душу мне
Огонь печали! Видишь? Я в огне.

* * *

Вина печали нам подать изволь,
Чтоб заглушить в душе печали боль:

Пока беда не занесла свой меч,
Пусть пир шумит, а мы продолжим речь.

Глава XIV

ОБРЕЧЕННОСТЬ ФАРХАДА

Юность. Врожденная скорбь. Страстное влечение к рассказам о несчастной любви. Старания хакана развеселить сына. Искусство чародеев. Дворец Весны. Дворец Лета. Дворец Осени. Дворец Зимы. Вазир Мульк-Ара.

Тот зодчий, что такой дворец возвел,
В нем все предусмотрел и все расчел.

* * *

Любовь сказала: «Мной Фархад избран,—
Румянец розы превращу в шафран».

На стройный стан его давя, печаль
Решила изогнуть «Алиф» [1], как «Даль» [2].

Клялась тоска: «Он мной заворожен,—
Из глаз его навек похищу сон!»

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основанья этот светлый дом...»

Хоть замыслов судьбы предречь нельзя,
Но не заметить их предтеч — нельзя:

Готовя нам злодейский свой удар,
В нас лихорадка зажигает жар;

Пред тем как осень оголит сады,
Шафранный яд уже налит в сады;

Кому судьба грозит бедой большой,
Тот омрачен заранее душой.

Хотя пиров не избегал Фархад,
Но в сладость их тоска вливала яд.

Он пьет розовоцветное вино,—
Не в сласть ему, заметно, и вино.

И музыка звучит со всех сторон,—
И музыкой Фархад не ободрен.

Не веселит ни песня, ни рассказ,
Ничто не радует ни слух, ни глаз.

А если в грустных месневи [3] поют
О двух влюбленных, о любви поют,—

Иль о Меджнуне [4] вдруг заговорят,—
В слезах, горюя, слушает Фархад...

Отец вздыхал: «Что это значит все?
Что сын тоскует, что он плачет все?

Иль мой Китай совсем безлюден стал?
Иль он диковинами скуден стал?

Иль девушки у нас нехороши,
Жасминогрудые, мечта души?

Иль нет у нас искусных штукарей,
Что чудеса творят игрой своей:

Из чаши неба достают мячи,
Проглатывают острые мечи;

Стянуть умеют мастера чудес
Фигуру с шахматной доски небес.

Во тьме ночной умеют вызвать день,
День затмевают, вызвав ночи тень;

Черпнут воды ладонью — в ней огонь,
Черпнут огонь — полна воды ладонь;

На паутинке держат тяжкий груз,
Меняют вид вещей и пищи вкус,

И делают иные чудеса,
В смущенье приводя и небеса...»

О чародеях вспомнив, с той поры
Хакан их приглашал на все пиры.

Царевича их мастерство влекло,
Оно в нем любопытство разожгло,

И стал следить за их работой он,
Вникал во все с большой охотой он,

Постиг все тайны их волшебных дел
И, наконец, к ним также охладел.

Да, свойство человека таково:
Все недоступное влечет его,

Для достиженья не щадит он сил,
Но лишь достиг желанного — остыл...

И говорили все в ночной тиши:
Любовь лишила юношу души!

Был окружен страданья царством он,
И смерть назвал своим лекарством он.

Влюбленный друга ищет взглядом: нет!
Пылает горе — влаги рядом нет.

Любви — ее не кликай! — нет вблизи!
Лейли розоволикой нет вблизи!

Но что над Кайсом? Ночи темнота?
Иль это дня разлуки чернота?

Иль дом судьбы разлука подожгла
И тлеет неостывшая зола?

Иль сердце Кайса — горестей удел?
Обвал печалей в сердце том гудел!

И Кайс тогда земной окинул круг,
И тут представилось безумцу вдруг,

Что смерть он под обломками найдет,
Что падает на землю небосвод!

Он увидал: печали нет границ,
И жемчуг нанизал на шелк ресниц.

Излил он слезы в жалобной мольбе,
И разорвал он ворот на себе.

Одежд здоровья он себя лишил
И наготу недуга обнажил.

И вот в огне одежды сожжены,
И дым, как вздох, дошел до вышины.

Нет, вздох, как дым души влюбленной, был:
Больной — соломой опаленный был!

Он плакал — плач вселенную потряс.
Он бил себя в лицо, и столько раз,

Что синим стал шафран его лица,
И не было пощечинам конца!

Мы знаем: вызывает смех шафран,
Но плакал он, страданием избран.

Огнивом стал разлуки камень вдруг,
И высек он желанья пламень вдруг.

Нет, вся любовь — пылание само,
И от него — желания клеймо!

И Кайсу в грудь вошла мучений рать
И стала царство сердца разорять.

И рать беды пришла, вселяя страх,
И превратила царство сердца в прах.

Так мучился безумец до утра,
Покуда ночь сидела у костра.

Ночь размешала уголья в костре,—
Огонь раздуло утро на заре.

Осыпались цветы в саду небес,
Исчезли звезды — и цветник исчез.

В саду небесном розы отцвели,
Но розы расцвели в саду земли.

Когда влюбленному рассвет блеснул,
Он застонал, он тяжело вздохнул.

А вздох любви — дыханье цветника,
Цветок увидел в Кайсе двойника.

Воскликнул Кайс: «Где розовый бутон?
Уста Лейли напоминает он.

Когда б шипы на розе не росли,
Была бы роза, как моя Лейли!

Где кипарис? Когда б он был стройней,
Мне кипарис напомнил бы о ней!

Когда б фиалки запах был нежней,—
Фиалка мне б напомнила о ней!

Глаза нарцисса были бы черней,—
И мне нарцисс напомнил бы о ней!»

Он увидал ноги несмелый след
И задрожал, забыл он целый свет:

«О, здесь возлюбленная шла домой,
И стала для меня земля сурьмой!

Ты, светлая, ты, легкая вода!
В тебя Лейли гляделась иногда.

В прозрачном зеркале твоем она
Навеки может быть отражена?»

Воскликнул Кайс: «Ты, звонкий соловей,
Не пой печально о любви своей.

Жилище ты нашел в саду густом,
Ты свил гнездо над розовым кустом,

В цветник запретный входишь в час любой,
И розы там беседуют с тобой.

Зачем же горе в голосе твоем?
Наскучило с любимой быть вдвоем?

В любви счастливец, ты поешь, скорбя.
О, как любовникам понять тебя?

Когда непостоянен ты в любви,—
Презренны песни сладкие твои!

* * *

Подай мне, кравчий, чистого вина,—
Постройки роспись вся завершена.

Не вечны и небесные дворцы,
Что ж наши легковесные дворцы?!

Глава XV

СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦОВ

Выбор места. Приглашение мастеров. Зодчий Бани. Художник Мани. Мастер каменных дел Карен. Строительство. Приезд царевича. Фархад увлечен искусством Карена.

Кто это предприятье в руки взял,
Тот в летописи так о нем писал

* * *

Когда подсчеты кончил Мульк-Ара,
Сказал он: «К делу приступать пора!»

Он выехал и ехал без помех,
Ему в пути предшествовал успех

Шло в свите много мудрых зодчих с ним,
Шло много мастеров, рабочих с ним.

Так ездили они из края в край,
Объездили едва ль не весь Китай,

Четыре места для дворцов избрав,
Четыре скажешь рая — будешь прав...

Два мастера в Китае было, два —
Не говори — художника-волхва!

Друг другу были равными они:
Один из них — Бани [1], другой — Мани [2].

Иной не кончит и крыльца чертеж,—
Бани кончал всего дворца чертеж.

Он над водою ставил купола,
В которых легкость горних сфер была,

И так легко, в такой короткий срок,
Как водяной плавучий пузырек.

Он известью своей был знаменит,—
Бутил подстенья крепче, чем гранит.

Во все, что на земле он воздвигал,
Небесных сводов прочность он влагал.

Другой — Мани — такой художник был,
Кого художник неба возлюбил

И подарил ему свой божий дар,
И кисть свою поднес он тоже в дар.

То, что умел изобразить Мани,
Картиною бездушной ты не мни:

Нет, с мертвого бумажного листа
Сияла самой жизни красота!

Глядеть в отцовские глаза не мог,
В тоске лежал у материнских ног,

И под ярмом позора своего
Не поднимал он взора своего.

Когда увидели отец и мать:
В могилу Кайса может стыд вогнать,—

Решили не расспрашивать его,
Как будто не случилось ничего,

Решили слова не сказать в укор,
Чтоб мальчик позабыл про свой позор.

И мыслили, вздыхая тяжело:
«Быть может, наваждение прошло?

Он станет сдержанней, горячий нрав
Природой целомудренной поправ?

Быть может, горести промчатся все?..»
И так гадали домочадцы все:

«Приснился юноше волшебный сон».
«Виденьем неким был он потрясен».

«Его с дороги сбил коварный дев...» [1]
Никто не знал, что пери [2] между дев

Была месяцеликая Лейли,—
И восвояси родичи пошли.

И Кайс остался наконец один.
Искал он горю своему причин.

Искал он исцеленья своего,
Алкал он избавленья своего.

Тоске внезапной изумлялся вслух,—
Метался беспокойный, слабый дух:

Везут их в горы, на места работ,
Где добывают камень всех пород,
Вытесывают плиты и столбы
И день и ночь их грузят на арбы.

Нет, не арбы — небесные миры
С зари и до зари ползут с горы,

Везут к местам строительства дворцов
И мрамор и гранит любых цветов.

И по морю со всех концов земли
Плывут в Китай большие корабли,—
Заморский ценный груз туда спешит:
Крепчайший эвкалипт, сандал, самшит,

И дерево под плотницкой пилой
Опилками пылит, как снег зимой.

Строители под пенье рубаи [4]
С землей и камнем там ведут бои;

До Рыбы роют заступ и кирка [5],
Выводят стены там под облака;

Под окрики начальников работ
Без передышки трудится народ:

Возводит он на четырех местах
Четыре рая, как задумал шах...

* * *

Когда царевич обо всем узнал,
Про каждый сад и водоем узнал,

Про красоту и роскошь тех палат,—
Он сильным любопытством был объят.

Как ясный месяц на коне небес,
Он в путь пустился ко дворцам чудес.

И сто красавцев, каждый на коне —
Вокруг него, как звезды при луне.

Фархада конь без передышки мчал —
Царевич и пути не замечал.

Вот прибыл он в те райские места,—
Ему дворцов открылась красота.

И так шумел и так кипел здесь труд —
Казалось, светопреставленье тут!

И так был возбужден народ труда —
Забыт был сон и в рот не шла еда.

Хоть стены были до небес в лесах,
Но как Сатурны, в самых небесах

Над ними так сияли купола,
Что небеса кричали им: «Хвала!»

Любой из четырех дворцовый свод
Являл собою новый небосвод.

Царевич, видя столько дивных дел,
Свой палец прикусил и онемел.

В любом труде кипел там страсти пыл,
Самоотвержен каждый мастер был.

Тут действовал топор, а там — тесло,—
Вникал Фархад в любое ремесло.

Глядел он, от восторга не дыша,
Что с твердым камнем делает тиша [6].

Глядел, как бьет каменотес тишой,
Как он в куски дробит утес большой;

Не кончил он, как ветер вдруг донес
Протяжный лай: залаял в стане пес...

Он скорчился, пошла по телу дрожь,
И на собаку стал он сам похож.

И стон его поднялся в вышину,—
Не стон, а вой нарушил тишину.

Как путник, потерявший караван,
Взывает, страхом темным обуян,

Следы читает сквозь кромешный мрак,—
Так шел несчастный Кайс, и пел он так:

«О ты, чей голос радость мне принес,
Ночной товарищ мой, печальный пес!

Ты, верный друг, мне громкий подал крик,
Всех заблудившихся ты проводник!

Вокруг селенья ходишь, честный страж,
Неправда ль, одинаков жребий наш!

Пройдут ли ночью воры в мирный кров,—
Зубами в клочья разорвешь воров,

И хна для ног твоих — людская кровь.
О, мне конец такой же приготовь!

Я тоже пес, как ты, но ты важней:
Ты можешь в стан войти, к прекрасной, к ней.

Твоя судьба — хранить и хлеб и кров.
Моя судьба — бродить вокруг шатров!»

Так пел влюбленный, так шагал в пыли...
А ты, месяцеликая Лейли,

Ты плачешь тоже, ты грустишь о нем,
Ты видишь Кайса утром, ночью, днем,

Он призрак, он души твоей звезда.
Беда арабов — пленная беда:

Тебе попала, Кайс, в полон она,
И вот не ест, не пьет, не знает сна...

Как легкий локон вьется на ветру,
Лейли в тоске металась по шатру

И падала на ложе, ослабев...
Вдруг скорбный к ней доносится напев,

Лейли глядит: в степи темным-темно,
Все племя сладким сном пьяным-пьяно.

Отраден сон для тех, кто не влюблен,
Но кто влюблен,— для тех запретен сон...

Старуха-нянька вместе с ней жила,
Ее любви наперсницей была,

Благословила двух сердец союз,
Желала им нерасторжимых уз,

Ей Кайс — как сын, она — как мать ему...
Когда в степную выбежала тьму

Лейли, в ночи сияя, как луна,—
Как тень луны, пошла за ней она.

Лейли, не видя ничего, бежит.
К возлюбленному своему спешит.

Два вздоха пламенных светло зажглись,
Два сердца раненых в одно слились.

Как боль ясна, как тайна их чиста!
Какой немотой скованы уста!

Как будто солнце скрылось, а светло.
Нет наводненья,— стену всю снесло!

И, загорясь всем сердцем, всей душой,
Следил царевич за его тишой,

Следил, покуда солнце свой костер
Не погасило за оградой гор,

И неохотно на закате дня
Царевич сел на своего коня.

А конь, известный твердостью копыт,
С которой мог поспорить лишь гранит,

Понес его, как солнце этих гор,
Обратно в город сквозь степной простор...

* * *

Эй, кравчий, дай поярче мне вино —
Печали шип пусть унесет оно!..

Не шип пусть унесет,— отвалит пусть
Гнетущую, как глыба камня, грусть!

Глава шестая

О том, как соплеменники узнали об исчезновении Кайса, нашли его в песках пустыни, доставили домой, и Кайс повсюду прослыл безумцем, Меджнуном

Кто рассказал о ночи роковой,
Украсил так рассказ печальный свой:

Увидели родные на заре,
Что Кайс опять не спал в своем шатре,

И вороты порвали на себе,
Взмолились небу о его судьбе.

Отец, рыдая, утешает мать,
Велит людей на поиски послать.

И люди, наконец, следы нашли:
Вели следы к становищу Лейли.

И люди в стан пришли по тем следам
И новые следы открыли там:

Одни — глубоко вдавлены в песок,
Как будто путник тяжкий вьюк волок,

Другие — как создания пера,
Как будто пери здесь прошла вчера,

А третьи — в глушь пустынную ведут,
Возникнут вдруг и снова пропадут...

И люди в глушь пустынную пошли,
Песчаный холм увидели вдали.

Приблизились, разрыли... о творец!
Там Кайс лежал, недвижный, как мертвец.

Пустынный вихрь песком его занес!
Тут хлынули из глаз потоки слез:

«Убит,— один другому говорит,—
Убийцею тайком в песок зарыт».

И светлый мир им показался пуст...
Вдруг слышат: вылетает вздох из уст.

«О небеса! Он жив, он жив еще!»
Один из них взял Кайса на плечо,

И люди тронулись в обратный путь...
Разорвалась родительская грудь,

Когда больной вернулся в отчий дом!
Но Кайс, придя в сознание с трудом,

Не знал, как объяснить поступок свой,
Стоял с опущенною головой.

Обрушились упреки на него,
Во всем нашли пороки у него.

Один сказал: «Тебя сломила страсть?»
Другой: «Ты страстью насладился всласть?»

И для Карена выковал кузнец
Кирку, тесло, зубило и резец.

Но закалял их сам Карен потом:
От кузнеца скрывал он свой прием.

И тут же проверял он свой закал:
Тесал гранит и искры высекал...

Фархад, как зачарованный, глядел,
Вникал и в явь и в тайны мудрых дел.

Хоть много тонких знал ремесел он,
Но все забыл бы и забросил он,

Чтоб и в гранильном деле мог достичь
Всех совершенств, чтоб цели мог достичь.

На выучку он был готов пойти
Не к одному Карену — к десяти.

Людей стесняясь, стал Фархад тайком
Орудовать теслом и молотком.

Он делал чудеса, тайком учась:
Ему — минута, что другому — час...

Но не стоял — вращался небосвод,
Чередовался дней круговорот.

Четыре года что для мудреца?
Вот все четыре кончены дворца —

Четыре рая!.. Шла отделка стен:
Наружные разделывал Карен,

А внутренние — лишь зайди, взгляни,—
Узнаешь кисть художника Мани.

Мани писал на стенах, а Фархад
Теперь других не находил услад,

Недуг страдальца был неисцелим...
И дети бегать начали за ним,

И вот Меджнуном [1] прозван с юных лет.
«Меджнун! Меджнун!» — ему неслось вослед

Но что ему, сошедшему с тропы,
Презрительные прозвища толпы,

Когда в глухое впал он забытье,
Когда он имя позабыл свое,

Народа своего, своей земли,—
Одно лишь имя помнил он: Лейли!

Когда: «Лейли» — он голос поднимал,
Меджнун пред ними — каждый понимал.

Он шел по вечерам и по утрам
К становищу Лейли, к ее шатрам,

Чтоб воздух племени ее вдохнуть,
И камнем ударял себя он в грудь.

Влачил вокруг шатров страданья цепь,
А прогоняли — возвращался в степь.

О ты, кто сделал степь моей страной!
Я заблудился. Сжалься надо мной!
Я одинок. Устал я в царстве лжи.
Дай руку мне, дорогу покажи!

Нет, розовое было в нем вино,—
По арычкам в него текло оно.

Пройдешь вокруг, и под ногой звенят
Сплошь самоцветы — яхонт и гранат.

Куда ни взглянешь — розовый цветник,—
Здесь даже в мрамор запах роз проник;

Звенел повсюду соловьиный щелк;
Одетые в розовоцветный шелк,

Красавицы, как розы, все нежны,
Прогуливались по дворцу Весны.

* * *

Дворец для лета так построен был,
Что весь зелено-голубой он был.

Вокруг него — свежезеленый луг
И сосны с кипарисами — вокруг;

И всяких птиц порхали стаи там,
И было много попугаев там,

Ученых, вещих, и в зеленый цвет,
Как ангел божий, каждый был одет,

Красавицы гуляли на лугах,
С лазоревыми чашами в руках;

Сиял зеленый купол над дворцом,
Фарфоровым отделан изразцом;

И пол зеленым облицован был,—
Из тех же самых изразцов он был.

Бассейны были из зеленых плит:
Борта и дно — лощеный хризолит.

Вокруг бассейнов — камешки, но тут
Насыпан не рубин, а изумруд...

* * *

Но разукрашен весь иначе был
Дворец, который предназначен был

Для осени: тут было все желто,
Ее дыханьем будто налито.

Вверху простерся легкий, некрутой,
Широкий купол цельнозолотой.

На стенах — мрамор, желтый, как янтарь,
Не дом — янтарный, золоченый ларь.

Как солнце, языкастые круги,
Слепящие, вихрастые круги —

Отделка стен наружных. Но смотри,—
Не меньше было золота внутри!

Старался мастер, не был скуп хакан —
Тут все янтарь и золотой чекан,

А в росписи стенной — не мастерство,
Божественного духа торжество!..

Бассейн — очарование очей —
Из золотых был сложен кирпичей.

И желтое вино плескалось в нем,
Играющее золотым огнем.

И вкруг него — под цвет вину как раз —
Насыпан золотистый был топаз.

Там девушки сияли, как заря,
В шелках прозрачных цвета янтаря...

* * *

И вот — стоит четвертый, наконец,
Для зимних нег построенный дворец.

Весь мраморный, белее мела весь,
Не мраморно — камфарно-белый весь!

В серебряном окружье — потолок
Сиял, как между век глазной белок.

На стенах, ослеплявших белизной,
Был серебристо-белый шелк сквозной.

Блистали серебристые шелка
На ложах из слонового клыка.

Был даже пол там белый — сплошь фарфор,
На нем — белее хлопка был ковер.

Серебряный бассейн — как изо льда,
Как перламутр, играла в нем вода,

А каждой капли переливный блеск —
Жемчужины отборной дивный блеск.

И ночью светел был любой покой,
От девушек струился свет такой:

Лучисто-серебрист был цвет их тел,
А цвет одежды был жасминно-бел...

* * *

Взгляни на те китайские дворцы:
Кумирни или райские дворцы?

Какие там кумирни! По красе
Дворцовые сады — Иремы [3] все!
Нет! Каждый из дворцов хаканских там
Мог красотой затмить Мекканский храм!

Когда открыть дворцы пришла пора,
Отправился к хакану Мульк-Ара,

И все ему подробно доложил:
Как вел дела он, как их завершил.

Хакан, доклад прослушав, ликовал,
И слов не находил он для похвал.

С Фархадом и с вазиром к тем дворцам
Затем решил пуститься в путь и сам.

Вот прибыли они. Помилуй бог!
Как человек создать такое мог?!

В саду Весны — красоты, чудеса!
Вошли в дворец — без счета чудеса!

Второй дворец — земной чудесный рай,
А третий — краше, чем небесный рай!

В четвертом же такая красота,
Что и нейдут сравненья на уста!

Немеет разум тут, бессилен дух,—
Так очарованы и глаз и слух.

Здесь все загадка, все тревожит ум.
Таких красот постичь не может ум.

Хан мастерам не пожалел наград:
Кто что просил, он выдавал стократ.

Вазир всегда был у него в чести,
Теперь же — выше не превознести.

И отдал шах Фархаду для утех
Дворцы, сады и райских гурий тех.

Потом распорядился, чтоб вазир
Для каждого дворца готовил пир,

Чтоб пировал три месяца подряд,
В том иль ином дворце живя, Фархад...

Не медлил и ни часу Мульк-Ара:
Готовить стал запасы Мульк-Ара.

На каждый день припас вазир-мудрец
Сто лошадей и тысячу овец,

Припас на целый год сластей, плодов
И тонких вин всех вкусов и цветов...

* * *

Китайской красотой пленен давно,
И я люблю китайское вино:

Так не забудь же, кравчий, и щедрей
И нам вина китайского налей!

Глава XVII

ПИРЫ ВО ДВОРЦАХ

Весенний пир. Летний пир. Осенний пир. Зимний пир. Конец пирам. Снова роковая скорбь. Отчаяние хакана.

Лишь солнце к знаку Овна подойдет,
За розой роза на земле цветет.

Небесная хлопочет мешшате [1],
Служа земной весенней красоте:

Румянит щеки краскою дневной,
Сурьмит ей кудри краскою ночной.

С высот она дождем кропит цветы,
Бутонам роз опрыскивая рты.

Нарцисс, промокнув, никнет головой,
Как будто спит, как будто сам не свой.

Застенчивый, он — между ярких роз —
До бледности смущается, до слез,

А шалунам-бутонам, как на грех,
И эта скромность — смех, и слезы — смех.

И в смехе так раздуется бутон,
Что, лопнув, сразу розой станет он.

А роза все пышнеет, и над ней
Уже влюбленный стонет соловей,

Так стонет он, ее любви прося,
Что роза кровью закипает вся,—

И рдеет, рдеет... Впрочем, я не прав:
Избранницею соловьиной став,

Полна не кровью алою она,
А настоящим пламенем полна.

Вот почему поэты говорят,
Что розы летом на кустах горят.

Когда же налетевший ветерок,
За лепестком срывая лепесток,

Как искрами, засыплет весь цветник,—
Нам кажется, что здесь пожар возник,

Что огненный здесь ливень долго лил
И докрасна всю землю накалил.

Однако же избранницы своей
Забыть не в силах грустный соловей:

Над жаром остывающим кружа,
Он носится стремительней стрижа,

И крылышками тщится как-нибудь
Огонь, потухший в лепестках, раздуть...

* * *

Как ни богата розами в тот год
Была весна, о коей речь идет,

Но в розовом дворце, в том мире грез,
Куда хакан царевича привез,

Едва над ним взвился веселья флаг —
Такое было изобилье благ,

Что даже розы в цветнике Весны,
Казалось, были уж не столь красны.

Внутри убранство стен и потолков —
Из розовых узорчатых шелков.

На розовый свой трон воссел хакан,
Фархад — с ним рядом. Так хотел хакан.

В розоподобном кресле — Мульк-Ара,
За ним — весь цвет китайского двора.

Огонь вина веселье в них зажег,
На их щеках алел тот огонек.

Розоволики, в розовых шелках,
То здесь, то там — в укромных уголках —

Пленительны, как розы поутру,
Сидели китаянки на пиру.

Розоволикий кравчий всем равно
Там розовое подносил вино,

И пили молодой и пожилой
До капли пиалу за пиалой.

Лишь я стою в оковах и в огне.
Ужели равной нет моей вине?

Нет, горный придавил меня хребет
Неслыханных скорбей, смертельных бед!

Тяжелый груз на спину лег мою,
Вот почему недвижим я стою!

Иль клетку плоти, на восток спеша,
Покинула пернатая душа?»

Так проклинал Меджнун свою судьбу,
Метался он, привязанный к столбу,

Чтоб из железных вырваться колец.
И разорвал он привязь, наконец,

И вот распалось на ноге звено,—
Вся цепь, звеня, упала заодно!

И, радуясь, Меджнун отбросил цепь
И дверь открыл, и побежал он в степь.

Немного пробежал — и наземь лег:
Тропа в колючках не для слабых ног...

О ты, кто рад цепям земных утех,
Знай: «я» твое — цепей тяжеле всех.

Свободным стань: избавь себя от «я»,
Войди счастливым в степь небытия.

Глава девятая

О том, как Лейли увидел Ибн-Селлям, влюбился в нее, отправил сватов и получил согласие отца Лейли

Кто жемчуга блестящих слов низал,
Увидел мысли блеск и так сказал:

В ту ночь, когда Лейли, в тоске немой
Покинув сад, направилась домой,

В пути благоухая, как жасмин,—
Ее увидел человек один

И потрясен розоволикой был!
Среди арабов он владыкой был

И прозывался так: Бахт Ибн-Селлям...
Терял он счет верблюдам и коням,

Баранам и быкам терял он счет,—
Покрыл пустыню всю несметный скот,

Как юные деревья сплошь в листве,
На летнем красовались торжестве.

Вино густое, красное, как лал,
Лишь из зеленых пили там пиал.

Вино в зеленых пиалах могу
Сравнить с тюльпаном алым на лугу.

А кравчие — мигнешь, и поднесут
То сладкого, то терпкого сосуд.

Тончайших яств нельзя там было счесть:
Что кто ни вспомнил бы, то мог он есть.

Три месяца в эмалевом дворце
Прошли,— отпировали во дворце.

* * *

Когда же, охладив свой летний зной,
Янтарною осенней желтизной

Светило дня с зари и до зари
Преображало листья в янтари,—

То во дворец, желтевший, как янтарь,
Пир перенес китайский государь.

Дворцовый сад... он не янтарным был,
Нет, он, как солнце, лучезарным был.

А ветер раздувал в саду пожар,
Срывал горящую листву с чинар,

Как будто золотую рвал фольгу,
И то сметал обрывки на лугу,

То осыпал на узкий ручеек,
Поблескивавший, как стальной клинок,

Раздав подарки и воздав хвалу,
Присев к гостеприимному столу,

Рассказ неторопливый повели,
Рассказ красноречивый повели,

И, цель свою достойно объяснив,
Ответа ждали, головы склонив.

Сказал отец: «Да снидет благодать!
Когда моим он сыном хочет стать,

Я встречу, как родной отец, его,
Да красит жемчуг мой венец его!

Но потерпеть он должен некий срок:
У розы как бы сломан стебелек,

Она больна, гнетет ее тоска.
Надежды пальма — веточка пока,

И солнце — только месяц молодой.
Когда придут здоровье с красотой,

Пусть поспешит благословенный сын,
И с розой пусть обнимется жасмин!»

Так, расточая сотни добрых слов,
Обрадованных отпустил послов...

Лейли гуляла в этот час в саду,
Еще не зная про свою беду.

Там нет лекарства от ее тоски,
Там розы распустили лепестки,—

Ей розы открывали вновь и вновь
Кровопролитную свою любовь,

Как бы кровавый обнажали меч,
Чтоб сердце ей безжалостно рассечь.

И вот печаль свершила свой набег,—
И плакала рожденная для нег.

Она пришла домой, дрожа, в бреду,
Сказала: «Дурно стало мне в саду».

Так обманула легковерных слуг.
Но те, кому понятен был недуг,—

Ее друзья, наперсницы любви,
Стремились ей отдать сердца свои.

И зашлася у старой няньки дух:
А вдруг ушей Лейли достигнет слух

О том, что замышляет Ибн-Селлям?
Тут сердце разорвется пополам!

Решила: скроем от Лейли своей,
Какой удел приуготован ей...

Однажды к ним знакомые пришли,
Друзья, подруги, жившие вдали,

И все, кто был отцу Лейли сродни,—
Больную навестить пришли они.

Была меж ними дряхлая весьма
Старуха, выжившая из ума.

Она, чтобы влюбленную развлечь,
Язык в смертельный превратила меч!

«Не огорчайся, роза! От волос
На лик твой много амбры пролилось,

Но скоро обретешь веселье ты,
Нас позовешь на новоселье ты,

Возвращена здоровью будешь ты,
Исцелена любовью будешь ты!

Нет в мире краше прелестей твоих,—
Красивым оказался твой жених.

Об этом люди говорят давно.
В твой кубок льется радости вино!»

Старуха вовсе разумом плоха:
Сказала даже имя жениха...

Когда в сознанье пери дорогой
Проникла весть об участи такой,—

Та весть дошла случайно до нее,
И явной стала тайна для нее! —

Сознание покинуло ее,
Старуха сердце вынула ее!..

О ты, кто скрыт, но явен, кто в глазах
Отсутствуя, присутствует в сердцах!

Открыл ты пламя сердца небесам,
Открой сиянье и моим глазам!

Глава десятая

О том, как Лейли, узнав о прибытии сватов, стала проливать кровавые слезы, и мать ее заплакала, увидев страдания дочери

Тот, кто открыл прозрачных слов ручей,
Направил так русло своих речей:

Опять несчастья над Лейли стряслись,
Стал собственною тенью кипарис.

Едва придя в сознанье, чуть жива,
Лейли старухи вспомнила слова.

Сильнее стала боль ее скорбей,
А сердце стало из-за них слабей,

И ясно вдруг увидела она,
Что гибель ей судьбою суждена,

Что в жизни больше ей не ждать услад;
Жизнь разовьется скоро, как халат!

Глава XVIII

ХАКАН ПРЕДЛАГАЕТ ФАРХАДУ СВОЙ ТРОН

Размышления хакана о сыне. Что в дервише достоинство — то в правителе порок. Мера милостей и мера кар. Яд убивают противоядием. Юность и старость. Над кем смеется гребешок? Предложение хакана. Отказ Фархада от власти. Вынужденное согласие Фархада.

Кто в царский тулумбас ударил, тот
Отряды слов построил так в поход.

* * *

Царевича хакан спасти не мог,—
С пути судьбы его свести не мог.

Он убедился, что крута гора
Сыновней скорби, и что та гора

Нет, слезы — горькой влаги родники:
В них плавают кувшинки-синяки.

Нет, пери в траур щеки облекла:
Судьба — другому в жены обрекла!

«Жестокое! — воззвала к небу,— стой
И слушай. Нежной пальмой молодой

Росла я, зеленью блестел убор,
Зачем же в руки взяло ты топор,

Разбило ствол цветущий на куски
И щепки бросило в огонь тоски?

Ужель не переменится судьба?
Навек я пленница? Навек раба?

А тот, больной,— кричит от боли он,
Когда у пленницы в неволе он?

Тоскуя, бросил душу в пламя он?
Скрутился ли, как нить в каламе[2], он?

Как вспомнит он моих волос длину,
Растет его безумие в плену?

Когда мои стан стихами хвалит он,—
Высок ли голос? И похож на стон?

Когда возжаждет он моих ланит,—
Его слезу огонь воспламенит?

Как вспомнит кудри скрученные он, —
Согнет ли тело скрюченное он?

К моим губам живительным влеком,
Живой воды он станет ручейком?

Когда поймет, как в стане я тонка,
Он станет сам ли тоньше волоска?

Он сам не станет лука ли кривей,
Когда увидит лук моих бровей?

Мигание ресниц приснится вдруг,—
И станут иглами ресницы вдруг?

Когда вообразит уста мои,—
Он затеряется в небытии?

Когда глазам он вознесет хвалу,—
Он вспомнит свет? Или увидит мглу?

Лишь губы взор горящий привлекут,—
Джейхуном [3] крови слезы потекут?

Как вспомнит он о родинке моей,—
Захочет вырвать свой зрачок скорей?

Фазанью поступь восхвалив в стихах,—
Окажется ли он в моих сетях?

Когда заря взойдет на небосклон,—
О солнцеликой пери вспомнит он?

Когда падет на мир ночная тьма,—
Сойдет ли от волос моих с ума?

Ах, мало разве он терпел невзгод?
Какой удар теперь страдальца ждет!

Но нет: пусть требует весь мир земной,—
Немилому не буду я женой!

Я вынести готова сотни бед
И сотни мук, но эту — силы нет!»

Так, в одиночестве, от всех вдали,
Рыдала солнцеликая Лейли.

Но мать подслушала ее тайком.
Что ей сказать о бедствии таком?

«В одном Меджнуне царство для нее,
О, как найти лекарство для нее...»

Эй, лекарь, отойди с лекарством прочь!
Моей беде не можешь ты помочь.

О, благодарствуй! Я не стану пить!
Для нас лекарство — без лекарства быть.

Глава одиннадцатая

О том, как отец Меджнуна повез его на паломничество в Мекку и как Меджнун привел в смятение паломников, поведав богу о своей сердечной муке

Кто мысли излагает без прикрас,
Так начал удивительный рассказ:

Когда страдалец, жертва всех скорбей,
Меджнун освободился от цепей,

Когда, не разыскав безумца, в дом
Вернулись посланные со стыдом,—

Тогда в отца смятение вошло,
На мать как бы затмение нашло.

Они сидели, слабые, вдвоем,
Они о сыне думали своем:

Слова найдут — и тут же отведут,
Возникнут мысли — тут же отпадут.

И что прибавит похвала людей
К неизмеримой мудрости твоей?

А я давно уже прошел, мой сын,
Ту плодороднейшую из долин,

Что мы долиной зрелости зовем;
Давно достиг я на пути своем

Долины старости печальной... Да!
Мне — шестьдесят... Преклонные года!..

Я немощен, и ясно вижу я:
К концу пути что день — все ближе я.

Скрывать пороки старости смешно:
Нам молодеть, увы, не суждено.

Попробуй, старец, скрыть свои года,—
Глаз не поднимешь после от стыда.

Предвестник смерти — наша седина,
На древе жизни — изморозь она.

Из бороды сединки вырывать —
Над собственной могилой горевать.

Два-три ты вырвешь волоска седых,
Дней через пять — пятнадцать, двадцать их.

Иной себя покрасит человек —
Через неделю он, как лошадь, пег.

Стыдись, красильщик: виден твой грешок,—
Смеется, скаля зубы, гребешок.

Что гребешок? Ведь гребешки молчат:
Но станешь ты посмешищем внучат.

Как ни хитри, старик, а не найти
К своей увядшей юности пути.

Ты, нам любви дающий благодать,
Чтобы камнями после закидать!

Ты, женщине дающий красоту,
Из сердца вынимая доброту!

Ты, утвердивший страсти торжество!
Ты, в раковину сердца моего

Низринувший жемчужину любви!
Раздувший пламенник в моей крови!

Испепеливший скорбью грудь мою,—
Вот я теперь перед тобой стою!

Несчастный пленник, проклятый судьбой.
В цепях любви стою перед тобой!

И тело в язвах от любовных ран,
И тело режет горестей аркан,

Суставы тела — грубые узлы,
Душа сожженная — темней золы,

Но все же я не говорю: «Спаси!»
Не говорю: «Мой пламень погаси!»

Не говорю: «Даруй мне радость вновь!»
Не говорю: «Убей мою любовь!»

Я говорю: «Огонь раздуй сильней!
Обрушь трикраты на меня камней!

Намажь мои глаза сурьмой любви!
Настой пролей мне в грудь — самой любви!

Да будет зной — пыланием любви,
Да будет вихрь — дыханием любви,

Язык мой — собеседником любви,
А сердце — заповедником любви!

Чтоб мой венец, мой трон, мою казну,
Мои войска и всю мою страну

Украсил ты заранее, мой сын:
Уважь мое желание, мой сын!

Отказом сердца моего не рань:
Стань государем и отцом мне стань.

Один завет тебе даю вперед:
Так правь страной, чтоб счастлив был народ...»

* * *

Фархад увидел: горечи полно
Отцом ему налитое вино.

Вздохнул он вздохом огненным таким,
Что поднялся в седьмое небо дым.

Такого испытанья он не ждал,—
Он, наземь рухнув, горько зарыдал:

«О здравствуй, царь царей, отец родной!
Небесным троном стань твой трон земной!

Чтоб войск твоих могущество росло,
Чтоб звезд числа достигло их число;

И чтоб цвели сады утех твоих,
Не вяли розы наслаждений в них;

Чтоб полон был державный кубок твой
Вином искристой радости живой».

И так сказал он: «Мой отец, мой шах!
Кто я и что? Я пред тобою — прах...

Я так смущен... Дерзну ль давать ответ?
В словах моих порядка, меры нет.

Захочешь возвратить меня к живым,—
Дай мне вдохнуть ее селенья дым.

Геенну заслужил я? Раскали
Геенну страстью пламенной к Лейли!

Достоин места я в твоем раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою».

* * *

Когда мольбу любви Меджнун исторг,
Привел он всех в смятенье и восторг,

Оцепенели жители пустынь,
И каждый повторял: «Аминь! Аминь!»

Отец от горя разум потерял:
Он всю надежду разом потерял.

И Кайс безумным сделался опять,
Утратив разум, перестал рыдать.

Родные, слушая безумный бред,
Решили так: «Пути к спасенью нет».

И подняли его и всей семьей
Они Меджнуна понесли домой...

Водой любовный пламень не туши:
Стать маслом ей дано в огне души.

Хотели сделать слабою любовь,
Но укрепилась Кабою любовь...

О ты, кто место Кабы посетил!
Ты в свой восторг меня бы посвятил!

Молясь творцу, меня воспомяни:
Огнем любви себя воспламени!

Глава двенадцатая

О том, как Меджнун порвал нити дружбы с людьми, подружился с дикими зверями и встретил в пустыне полководца Науфаля

Кто эту быль узнал из первых рук,
Свои слова в такой замкнул он круг:

Когда прошли паломничества дни,
Познало племя горести одни.

Отец в оцепененье вскоре впал,
В неописуемое горе впал,

Отчаялся безумного спасти,
Вернуть его с безумного пути,

И так, в слезах, решил о сыне он:
Как знает, пусть живет отныне он!

И вот Меджнун скитается в горах,
В глухих степях, где зноем выжжен прах,

Куда идет? Не скажет, не поймет,—
Толкает сила некая вперед!

У слабого покоя боле нет,
Желанья нет и доброй воли нет.

Измученный, бредет в жару, в пыли,
Одно лишь слово говорит: «Лейли!»

Окинет землю с четырех сторон,—
Одну Лейли в сиянье видит он.

Вообразит он только лик ее —
И стройный стан уже возник ее.

И думает тогда Меджнун: «Хвала!
На кипарисе роза расцвела!»

Он о Лейли слагает сто стихов,
Сто редкостных газелей [1] — жемчугов,

Всем рифмам красота Лейли дана,
Лейли во всех редифах [2] названа!

И в каждом слове страсть к Лейли звенит,
И в каждом звуке власть любви пьянит.

И строчек падает жемчужный ряд,—
Они обрадуют и огорчат:

Для горя — сладость вспомнить о Лейли.
Рыдает радость, вспомнив о Лейли.

И каждый стих — великий чародей,
Смятенье сеет он среди людей,

Унылому дарит надежду вновь,
Вселяет в равнодушного любовь.

Когда блеснет в мозгу Меджнуна свет,—
Он — дивных слов кудесник, он — поэт;

Войдет безумие в свои права,—
Он говорит нелепые слова,

Бессмысленно другим внимает он,
И сам себя не понимает он.

Испепелен тоской великой он,
И как бы стал пустыней дикой он.

Рыдает горько без кручины он,
Смеется звонко без причины он.

Плоть без души,— он скорбною тропой
Бредет, весь в синяках, избит судьбой.

Опомнится на миг Меджнун,— и страх
Войдет в него, он завопит: «Аллах!»

Но странника спасительный испуг
Бесстрашная любовь прогонит вдруг...

Он плакал, как ребенок, он кричал,
И долго отзвук в горной мгле звучал.

В песках он высохшим растеньем был,
Отца и мать забыл, себя забыл.

Он муку сделал спутницей своей,
И скуки не знавал он без людей.

Он яства и питье забыл давно,
Он самоистязанья пил вино.

Он шел и шел, куда — не зная сам:
Подобен путь безудержным слезам.

Людей чуждался в страхе странном он,
Пугливым сделался джейраном он.

Он жил в степи, животных не губя:
Природу пса он вырвал из себя.

И вот газельи дружат с ним стада,
Он окружен газелями всегда,

Он с ними разговаривает вслух,—
Газелей диких он теперь пастух.

Газелей на руки порой берет,
Одну целует в лоб, другую в рот.

Дика пустыня, и земля тиха,
И волки, как собаки пастуха.

И гибель ожидала бы его,
Но бог услышал жалобы его.

* * *

В пустыне пребывал глава племен.
Был Науфаль и честен и умен.

Среди арабов редкостью он был.
Повсюду славен меткостью он был.

Владел он луком и мечом владел,
Расширил он земли своей предел...

Охотился однажды Науфаль,
Попали ловчие в глухую даль.

Охота всю пустыню потрясла:
Газелям вкруг Меджнуна нет числа,

И всякая спешит к Меджнуну дичь,
Охотничий заслышав страшный клич.

Пернатых стаи и стада зверей
Меджнуна просят их укрыть скорей.

«От гибели спаси ты!» — просят все,
Убежища, защиты просят все...

И странным происшествием таким,
Противным всем обычаям людским,

Был Науфаль безмерно удивлен:
«Что это означает? — молвил он,—

Я, кажется, в своем уме вполне!
Благоговение внушает мне

Событие, украсившее свет!
Вы тоже это видите иль нет?»

И несколько нашлось людей таких,
Которые слыхали от других,

Какая губит юношу печаль.
Их выслушав, заплакал Науфаль:

И он путем любви когда-то шел,
И он блуждал в пустыне бед и зол!

Границ не видит горю своему,
Охота опротивела ему,

Сказал: «О дивный эликсир — любовь!
Ты молнией сжигаешь мир — любовь!

Когда ты сердце жертвой изберешь,
Войти не смеет в это сердце ложь.

Вот рядом человек и дикий зверь,
И зверь к нему ласкается теперь.

Любовь! Столь чистым сделало твое
Могущество Меджнуна бытие,

Что звери в нем не видят свойств людских!
Избавился Меджнун от свойств дурных,

Лишился человеческого зла,—
И сразу дикость у зверей прошла!

Друзья! Не будем обижать зверей,
И лук, и стрелы бросим поскорей,

Собачьих свойств довольно в нас и так,—
Покрепче привяжите всех собак!»

И Науфаль, такой отдав приказ,
К несчастному приблизился тотчас.

Хотя в стада животных страх проник,
Меджнун остановился все ж на миг,

Приязнью к неизвестному влеком,
Как будто был он с ним давно знаком.

И Науфаль сказал ему: «Привет!»
И поклонился юноша в ответ

И молвил: «О, таким же будь и впредь!
Благословенье — на тебя смотреть,

И весь ты — солнце дружбы и любви,
Сияют верностью глаза твои.

Но странно мне: в довольстве ты живешь,
С толпой невежественной ты не схож,

Ты сыт, и людям голод не грозит,—
Зачем твоя стрела зверей разит?

Или других не знаешь ты забав,
Или мучений требует твой нрав?

Кто вправе кровь напрасную пролить
Лишь для того, чтоб душу веселить?

Наступишь на колючку в поле ты,
И закричишь от сильной боли ты.

Зачем же натянул обиды лук?
Зачем готовишь зверям столько мук?

Животным тоже душу дал аллах,—
Дыханье бога есть и в их телах.

Не будь убийцей. Стань душой добрей,
Безвинных ты не истребляй зверей».

И Науфаль, услышав эту речь,
Пред ним не постыдился наземь лечь

И молвил так, поцеловав песок:
«О ты, чей дух воистину высок,

Ты, непохожий на других людей,—
Моей душой отныне ты владей!

Я понимаю все твои слова
И принимаю все твои слова.

Не буду я преследовать стада:
Себя убью, а зверя — никогда!

И речь твоя в душе моей жива,
Но выслушай теперь мои слова».

Сказал Меджнун: «О чистый свет зари,
Благословенный свыше,— говори!»

И Науфаль ответствовал: «О ты,
Кто стал примером вечной чистоты,

О ты, кто показал мне правый путь,
Сказав: «Вражду к беспомощным забудь»,—

Ты покорил мой разум навсегда,
Беспомощным не причиню вреда.

И я стремлюсь к сиянью твоему,
Но я дивлюсь деянью твоему.

Наперекор обычаям, пойми,
Ты зверям другом стал, порвав с людьми.

Ласкаешь ты зверей, людей боясь.
Ужель тебе с людьми противна связь?

Творения светило — человек,
Предвидения сила — человек!

Дрожа перед породою людской,
Ужель среди зверей обрел покой?

Я знаю, по какой причине ты
Покинул мир, живешь в пустыне ты:

Одной розовощекой ты смущен,
Одной огненноокой ты сожжен.

Но если так, прошу тебя: покинь
На время некое зверей пустынь,

И погуляй со мною в тех местах,
Где ты навек запутался в сетях,

Где дни твои в силке любви прошли!
Хочу с тобой соединить Лейли;

Благословит судьба такую цель,—
В одну вас положу я колыбель.

Нам не помогут просьбы и казна,—
Поможет нам священная война.

Подарки, деньги могут всех привлечь.
Чего не скажет злато, скажет меч.

Поможет нам небес круговорот,—
Найду я деньги, соберу народ,

Все мыслимые средства приложу,
Но этот узел бедствий развяжу,

А если будет против нас господь,—
Твою беду сумею побороть:

Тогда я сыном сделаю тебя,
Твой светлый ум и сердце возлюбя.

Но только ты друзей своих оставь,
Животных диких и ручных оставь!

Одной породы — люди все, поверь,
Природы разной — человек и зверь!..

Коль встреча *с ней* — желание твое,
Так приложи старание твое!»

При слове «встреча» задрожал Меджнун,
И слез горячих побежал Джейхун.

От радости страдалец ослабел,
От слабости скиталец онемел,

Улыбка на устах, в глазах вода...
И так заговорил Меджнун тогда:

«На все твои слова, мой старший друг,
Был у меня готов ответ, но вдруг

Ты слово «встреча» произнес, и мне
Все чуждым стало в дикой стороне,

И в мыслях отошел я от всего.
О, если обещанья твоего

Тебе не даст исполнить рок людской,—
Пусть служит голова моя ногой

Прославленному твоему коню,
Лицом своим — копыто заменю!»

И так друг другу выказав почет,
И видя, как друг к другу их влечет,

Обрадовались близости своей,
Один другого полюбил сильней,

И тот, кто подал о свиданье весть,
Меджнуна взять с собой почел за честь...

О ты, кто в жертву дал себя принесть
Разлуке! Слышишь о свиданье весть?

Пусть не дождется встреч твоя душа,
Но даже весть о встрече — хороша!

Глава тринадцатая

О том, как Науфаль потребовал от отца Лейли, чтобы тот выдал свою дочь за Меджнуна, а когда получил отказ, то решил пойти войной на племя Лейли

Кто много трудных странствий совершил,
Слова в таком убранстве разложил:

Когда два редких существа земли
В дом Науфаля радостно вошли,

Потребовал хозяин поскорей
Своих красноречивейших людей,

Чей опыт, знания помочь могли,—
Велел им ехать к племени Лейли.

Казны, подарков дорогих — не жаль!
И приказал посланцам Науфаль:

«Отцу скажите: «Ты, кому верны,
Кому покорны счастья скакуны,—

Послушай: Кайс, чье слово, как резец,
Кто всех народных качеств образец,

Любовью чистой воспылал к Лейли.
Но крайний стыд и робость привели

К тому, что изъясниться он не мог.
И вот переступил он свой порог,

Отца и мать покинул и родных
И начал жить среди зверей степных.

Он так любовью очарован был,
Он так любовью околдован был,

Так обезумел от своей Лейли,
Что все его Меджнуном нарекли.

Постиг науки всей вселенной он,
И в смысл проникнул сокровенный он,

В твоем народе знанья добывал
И не забыл еще твоих похвал.

Что думает отец и что творит,
Узнав, что сын в огне любви горит?

Хоть не был сыном он тебе родным,
Ты поступить, как с сыном, мог бы с ним.

Но очевидцев ты слова отверг,
Ты боль живого существа отверг!

Его ты сделал пленником скорбей.
Влачил он жребий свой в глуши степей.

Пусть это канет в вечность наконец!
О, где же человечность наконец?

Но поздно каяться. Таков наш путь:
Прошедшее не в силах мы вернуть.

Участье принял я в его судьбе,
В степи нашел его, привел к себе.

Мне сыном стал теперь и другом он,
Простился со своим недугом он.

Тебя прошу, к тебе взываю так:
Да будет заключен скорее брак!

Добро любое Кайсу дать я рад,
Как нам велит обычай и обряд:

Блестит жемчужиной своей венец,
Рубины рядом — и светлей венец.

Ты должен просьбу выполнить мою,
Него — страшись: обиды не таю!..»

Вручив подарки и сказав слова,
Мужей послал он с целью сватовства.

Отец Лейли, безжалостный отец,—
Собранием, приятным для сердец,

Почтил высокое посольство все,
Чтоб видели его довольство все.

Людей с вестями принял, как гостей,
И новость он узнал среди вестей.

Враждебно эту новость встретил он,
Послам — не вовремя! — ответил он:

«Так было суждено, так хочет мир,
Чтобы Фархара [1] месяц и кумир,

Краса, что расцвела в саду моем —
Будь розою она или шипом —

Досталась мужу славному в удел,
Чтоб ею любящий другой владел.

То приказанье — небом нам дано.
Но даже было бы другим оно,

Не вижу я причин — свой сан забыть,
У Науфаля в подчиненье быть,

Так поступить, как замышляет он,—
Его желанья превратить в закон!

И речь его, к тому же, в двух частях:
Надежда — в первой, а в последней — страх.

Обрадовал надеждой Науфаль,
Но страхом усмирит меня едва ль...

Той, что у многих отняла покой,
Предназначается жених другой.

Раскается наш вождь в письме своем,—
Он — там, мы — здесь без горя заживём,

А если дела не поправит он,
Пусть ненависть иль милость явит он.

Проявит милость он — мы здесь сидим,
Покажет ненависть — мы здесь стоим.

Он к нам пойдет — и мы к нему пойдем.
Войну начнет — и мы войну начнем».

И так закончил, отпустив послов:
«Идите. Я других не знаю слов!»

И с тем ушли смущенные послы,
Отказом огорченные послы.

* * *

И Науфаль, ответ узнав такой,
Стал озабоченным, забыл покой,

И голос чистой совести не молк:
Исполнить обещанье — вот мой долг!»

Собрал он войско племени всего.
— Война! Война! — решенье таково.

Меджнуну повелел вступить он в бой,
Его поставил рядом он с собой,

Помощником назначил, дал коня,
Что создан был из вихря и огня,

Одежду благовоньем напитал
И голову тюрбаном обмотал.

Меджнун то слезы льет, а то вздохнет:
Не замечает, что б ни делал тот.

Конь скачет,— ничего не скажет он,
Конь станет,— мчаться не прикажет он...

И вот готово племя для войны,
Все воины по смелости равны,

И чтоб Меджнуна храбрецы спасли,
Повел их вождь к становищу Лейли.

В становище пришли в расстройство все,
Но сразу обрели геройство все:

Всех воинов собрать заставил враг!
И ненависти затянув кушак,

И видя приближение беды,
Пошли навстречу, выровняв ряды.

И небо, их восторг уразумев,
И храбрость, и благословенный гнев,

Свои дела творило хорошо,
И часто говорило: «Хорошо!»

И Науфаля воины, тверды
И яростны, построились в ряды,

И плотный пар среди равнин степных,
Как от верблюдов пьяных, шел от них.

Так встретились два смелых войска там,
Чтоб славой подышать геройской там,

Чтоб кровь пролить, чтоб ужас возбудить,
Погибнуть с честью или победить.

И конский вихрь селенья закрывал
И жалости растенья вырывал.

Степь задрожала, недрами гудя,
И стали стрелы струями дождя.

И звери заметались, видя смерть,
Напоминая смерч и водоверть.

Как змеи скручиваются в траве,
Когда ударить их по голове,

Свернулись копья — буквы «даль» кривей,
Они — подобья ивовых ветвей.

Двуострый меч могучим в битве был.
В цирюльне той подобен бритве был,

Но сразу гнев его обуревал:
Не волосы, а головы сбривал!

Как птица горя — каждая стре́ла,
И вот она расправила крыла,

И вот уже взлетела, и летит...
Тут сразу жизнь из тела улетит!

Взлетают стрелы в воздух, наконец,
И вот все небо в звездах, наконец!

Те звезды — несчастливые всегда...
Но вот копье — падучая звезда —

Проходит сквозь кольчугу: так игла
Пройти бы легкий шелк насквозь могла!

Кинжал единый миг в крови лежал,—
И стал кровавым языком кинжал.

Когда копье ломалось о копье,
Друг друга брали воины в дубье,

И в чашу головы, в пылу войны,
Дубина пряталась, как бы в ножны!

Войска напоминали стаи туч,
И меч — как молния: блестящ, летуч,

Степные звери — вихрь, издалека
Гоняющий густые облака,

И кровь подобна дождевой воде.
И тонет мир в неслыханной беде!

Зигзаги молнии при свете дня,—
Как ноги богатырского коня!

Убийством дышит в день войны ездок,
Как богатырь отважен и жесток!

Сыны арабов ревностны в бою:
Зажгли, как пламя, ненависть свою.

Два племени, две рати, две толпы,—
Стоят над ними пламени столпы.

Рать Науфаля — больше и сильней,
И ярче ярость разгорелась в ней.

Когда увидел это пламя враг,
Он оробел, закрался в сердце страх,

Отец Лейли свою заставил рать
Путь робкой осторожности избрать,

И видя: гибелью враги грозят,—
Помчались воины его назад.

Вечерняя настала тишина.
Победа славная предрешена!

И возвратился облаченный в сталь
Довольный и веселый Науфаль,

И выбрал он для сна удобный лог,
И стан воинственный на отдых лег,

И войско звезд, когда народ заснул,
Несло ночной порою караул.

Китайский хан покинул свой престол,
И на него Хосров тогда взошел [2].

Короче: закатился шумный день,
Упала на поля ночная тень.

Решили оба стана боевых
Отрядов несколько сторожевых

Расставить на долине, на горе...
Но что судьба готовит на заре?..

О ты, боец любви! Подай вина!
Печалью мне объявлена война.

Хмелея и смелея,— в правый бой
Помчусь я с обнаженной головой!

Глава четырнадцатая

О том, как отец Лейли, поняв, что его ждет поражение, решает убить свою дочь, и тогда Меджнун, который увидел во сне это злодейское намерение, просит Науфаля прекратить войну

Кто слова своего копье метнул,
Калама так поводья повернул:

Тогда как жаждет Науфаль войны,
Его противники устрашены.

Отца Лейли отчаянье берет:
Он медленным увидел свой народ.

Решил: дождемся бед, а не побед,—
И воинов собрал он на совет.

И долго люди спорили о том,
Как прекратить войну, каким путем?

Но споры прекратил отец Лейли:
«Дни испытания теперь пришли!

Что будет, если недруг победит
И наше войско в бегство обратит,

И Науфаль, всесильный, как эмир,
Мою Лейли — мой светоч, мой кумир —

Захватит в плен? Скорбей тогда не счесть!
Погибнет наша слава, наша честь!

Нам умереть придется со стыда
Иль родину покинуть навсегда!

Я так решил предотвратить беду:
Лейли я на рассвете приведу.

Иглой стрелы одежду ей сошью,
Нужна ей хна? Я кровь ее пролью,

На землю пальму тела повалю
И в землю ствол зарыть я повелю.

Хотя она свеча моих очей,
Цветущий сад она души моей,

Она — мне дочь, и потому хочу,
Чтоб ветер смерти погасил свечу,

Чтоб осень разорила этот сад,
Но только чтобы враг не знал услад!

Пусть уничтожу юную красу,—
Зато свою и вашу честь спасу!»

И воинов обрадовал глава,
Одобрили они его слова.

Но Науфаля речь была сильней:
Удача гордо реяла над ней.

* * *

Меджнуна жизнь похожа на туман,
То счастлив он, то горем обуян.

Как вспомнит о Лейли, о встрече с ней,—
Его чело становится ясней.

Поймет, что́ племени ее грозит,—
Смертельная тоска его пронзит.

Сочувствует другим тот, кто влюблен:
Великодушье — вот любви закон!

Он горем был подавлен, угнетен,
А счастье на глаза нагнало сон.

Он дивный образ увидал во сне.
Нет, девушку, подобную весне!

Не девушку, а кипарис! О нет:
Для солнца — страшной ревности предмет.

И меркнет луч луны в ее луче!
От головы до ног в шелку, в парче,

Касалась легкою стопой земли.
Меджнун узнал ее, свою Лейли!

Остановилась на пороге вдруг,
Подсловала Кайса в ноги вдруг,

Склонилася, чтобы его поднять,
И сделала, чтобы его обнять,

Для шеи ожерелие из рук.
Сказала: «Верный друг! Нет, вечный друг!

Решил отец, а с ним и весь народ,
Убить меня, когда заря взойдет,

Чтоб солнце жизни скрылось за горой,
Чтоб стала кровь вечернею зарей,

Чтоб стала кровь вечернею зарей,
Чтоб я нашла жилище под землей.

Мой друг! Судьбу мою благослови!
Я раствориться жаждала в любви,

Искала я в любви небытия,
И вот исполнилась мечта моя!

Чего хотела, для чего жила,
К чему стремилась я,— к тому пришла.

Пришла к своей любви, к твоей любви.
Прощай. Умру я завтра. Ты — живи».

Из глаз прекрасных слезы потекли,
И спящего покинула Лейли.

Издал безумец исступленный стон,
И сразу всех людей оставил сон.

Стонал он и рыдал в печали там,
А воины впотьмах кричали там:

«Что это значит? Нет ли здесь врага?»
Но к Науфалю быстро, как слуга,

Меджнун помчался, горестью гоним,
Поцеловал он землю перед ним,

Заговорил,— а страх застыл в глазах:
«О повергающий врага во прах!

Прошу тебя,— вложи свой меч в ножны.
Прошу тебя,— не продолжай войны.

Ведя войну, воюешь ты со мной,
В меня теперь вонзаешь меч стальной!

Лук ненависти вырони из рук:
Ты на меня направил этот лук!»

Был озадачен Науфаль весьма.
Подумал: Кайс опять сошел с ума?

Расспрашивать страдальца начал он,
И рассказал Меджнун свой вещий сон.

И выслушал страдальца Науфаль,
И погрузился в долгую печаль.

И понял он: правдив Меджнун во всем,
Он просветлен правдивым, вещим сном.

Меджнун — прозрачный ключ с прозрачным дном,
Он зеркало: мир отразился в нем,

Но, всматриваясь в эту чистоту,
Увидим только правды красоту!..

Когда пришла аравитянка-ночь,
Семью младенцев-звезд отбросив прочь,

Когда расставил юрты звезд, как встарь,
На синем поле тюрков государь,—

О сне Меджнуна, молнии быстрей
Распространилась весть среди людей.

Одобрил весь народ его слова:
«Уйдем назад, пока Лейли жива!»

И с войском удалился Науфаль,
А Кайс помчал коня в степную даль...

О голос неба, ты меня призвал,
Достоин ты бесчисленных похвал:

Рабу — счастливую мне долю дал!
О, лучше бы, прогнав, мне волю дал...

Глава пятнадцатая

О том, как Меджнун покинул Науфаля, удалился в степь, встретил Зейда, и тот, сочувствуя горю Меджнуна, отправился к стоянке племени Лейли

Кто разукрасил чистую тетрадь,—
Слова такие пожелал избрать:

Гадали соплеменники Лейли:
«Зачем бойцы противника ушли?

О, что же тут содеял Науфаль?
Не хитрость ли затеял Науфаль?

Так близок он к победе был уже!..»
Решили: надо быть настороже,

В другой степи разбить решили стан,
Сказав: «Уходит в Мекку караван...»

Меджнун, держа за повод скакуна,
В степи с утра скитался дотемна,

И путника нежданно встретил он.
Клеймо скорбей на нем заметил он.

И, горем незнакомца огорчен,
Спросил Меджнун, о чем тоскует он?

И молвил тот: «О господин! Твой раб —
Несчастнейший, презреннейший араб.

В такую впал я страшную нужду,
Что нищенскую жизнь в степи веду,

У всех я подаяния прошу,
Дневного пропитания прошу.

Мое пристанище — народ Лейли,
Мне служит ложем пыль его земли.

Голодной я обременен семьей.
Зовусь я Зейдом, жалок жребий мой.

Когда Меджнуну преданным слугой
Стал Науфаль, чтоб кровь пролить рекой,

Когда на стан Лейли повел он рать,
Когда, войну прервав, ушел он вспять,—

Решил народ Лейли, что здесь — обман,
Что Науфаль поймает всех в капкан,

Что рано веселиться и плясать,
Что возвратится Науфаль опять,

Что здесь опасно ночевать сейчас,
Что надо перекочевать сейчас!

И вот над миром пролита смола,
Легла густая мгла, ночная мгла,—

И я заснул. Проснулся — стан исчез,
И только пыль восходит до небес!

И я пошел, чтоб к племени примкнуть,
Но мне внезапно преградили путь

Два всадника: они, в тряпье худом,
Сидели на верблюдице верхом.

У Науфаля бранный гнев затих,—
Он отпустил всех воинов своих,

И эти тоже ехали домой...
И вот они мешок забрали мой,—

Хранился промысел мой нищий там:
Немного было черствой пищи там

И два дирхема, и один дирхем
Зашит... И воры завладели всем!

Упал я под ударами бича,
А воры надо мной стоят, крича:

«Где спрятал ты свое добро, скажи!
Вернись назад и место покажи!»

И долго так тиранили меня,
Измучили, изранили меня,

И вот разбойники умчались вскачь,
И в том узрев удачу из удач,

Поспешно я пошел степной тропой,
Столкнулся неожиданно с тобой.

Но если ты такой же вор и тать,
Как эти всадники,— то должен знать:

Пуст мой карман, и все мое добро —
Моей души правдивой серебро!»

Меджнун заплакал, выслушав рассказ.
Сказал: «О друг мой! Ранен ты сейчас,

Ты нищ, и по душе пример твой мне,
Отрадно за тебя стать жертвой мне!

Когда от Науфалевых людей
Ты пострадал или другой злодей —

Меджнун — виновник всех твоих обид,
Так знай: Меджнун перед тобой стоит!

Ты нищий, ты валяешься в грязи?
Возьми же меч, Меджнуна порази

И надвое Меджнуна рассеки,
И разруби ты сердце на куски!

Пугает злодеяние тебя?
Но я прощу заранее тебя!..

Ты деньги потерял из-за меня?
Возьми взамену моего коня!

Ограблен ты бесчестными людьми?
Взамен своих вещей мои возьми!»

Меджнун своим добром не дорожил.
Одежды снял, пред Зейдом их сложил,

Подвел к нему лихого скакуна
И все доспехи подарил сполна,

И ноги он поцеловал ему,
И молвил: «Смерть я за тебя приму!

Когда от горестей своих вдали,
Ты вновь достигнешь племени Лейли,—

Как я скажу, где я найду слова:
Привет, мол, передай Лейли сперва,

Такая-то, мол, и такая весть...
О, на какой язык мне перевесть

Мою печаль и боль! Здесь нужен крик,
Другой, не человеческий язык!

Судьбою равен ты моей судьбе,
С мольбою обращаюсь я к тебе:

За племенем Лейли иди всегда,
Куда пойдет Лейли, пойди туда,

Ляг на пороге у ее дверей,
Не поднимая головы своей,

И прахом стань перед ее дверьми,
И душу раздели между людьми!

А если жаль тебе души своей,—
Мою возьми, вынь сердце поскорей,

И душу растопчи пред нею сам,
И сердце брось на растерзанье псам!»

От этих слов, от этих горьких дум
Расстроенный пришел в расстройство ум,

И Зейда эти речи потрясли.
Меджнуну поклонившись до земли,

Сказал: «Избранник дней, ты — светлолик!
Как знаменье корана [1], ты велик!

В ночи разлуки, в этой мгле сырой,
Лейли сияет утренней зарей!

Она заря твоей надежды. Нет,
То — солнца вечного нетленный свет!

Так от любви к тебе она слаба,
Что сказкой сделалась ее судьба.

Лишь о тебе твердят ее уста,
В ее душе — лишь о тебе мечта.

Я о тебе доставлю повесть ей,—
Душою станет эта новость ей!

И счастье госпожи в отраду мне,—
Она двойную даст награду мне.

Прикажешь — передам Лейли привет,
Прикажешь — принесу тебе ответ,

Отныне и во сне, и наяву
Желаньем двух влюбленных я живу!»

Сказал Меджнун, надеясь и томясь:
«Для ран моих твое дыханье — мазь!

О друг моей души, товарищ мой!
Я разлучен с Лейли, и я немой.

Ты просишь слов? Не знает слов язык,
Из-за Лейли я говорить отвык.

Ступай. Одежды верности надень,
Да будет бог с тобою каждый день».

И Зейд на скакуна вскочил тогда
И скрылся, как летящая звезда.

Помчался к племени Лейли скакун,
И в ту же сторону пошел Меджнун.

Не шел он,— сами ноги привели
К стоянке прежней племени Лейли...

О ветер из жилья любви! Спеши,
Неси благоухание души!

Я задохнусь, паду я на ветру!
Нет вести о любимой? Я умру!

Глава шестнадцатая

О том, как Меджнун пришел на старое становище Лейли, как встретил ее собаку, страдавшую чесоткой, как беседовал с людьми из племени и как с вестью от Лейли прибыл Зейд

Кто на площадке слов бывал горяч,
В човган[1] играя, так подбросил мяч:

Был жаркий полдень,— гибель для земли.
На мир бросал он пламя, как Лейли.

В степях Аравии настал таммуз[2],
И землю зной давил, как тяжкий груз.

Горячий ветер, как Меджнун гоним,
Всех обжигал дыханием своим.

Меджнун бежал и ноги поднимал,
Как от жаровни, ноги отнимал:

Песок июньским солнцем накален!
От зноя пострадал и небосклон,

И звезды, устрашенные жарой,
Искали тени где-то под землей,

Переменилось неба естество,
Как видно, лихорадило его!

Весь мир жара ужасная сожгла,
И стала пеплом каждая скала,

А камни драгоценные в скале
Подобны углям, тлеющим в золе.

Река в себя струю жары вберет,
И начинается водоворот!

Захочет утка сунуться в поток,—
Ее обварит этот кипяток.

Но чтобы ноги в воду окунуть,
Спешит их перепонкой обтянуть.

Колосья хлеба лопнули везде,
Сходны с горохом на сковороде.

И небу желтый блеск жара дала,
И землю раскалила добела.

И вот уже к сковороде земли
Фазан и куропатка подошли,

Они клюют готовое пшено:
Ай, хорошо изжарено оно!

Паук в полыни скрылся от жары:
Он в паутине скрылся от жары.

Бежит собака, высунув язык:
То — летний месяц молодой возник!

Червяк — он плавится в таком аду —
Спешит укрыться в наливном плоду.

Так солнце убивает все плоды,
А прежде нежило на все лады!

В степи лежало озеро, дремля,—
Всю воду залпом выпила земля,

От горя треснуло сухое дно:
Тоскует по своей воде оно...

В подобный день Меджнун достиг земли,
Где прежде жил народ его Лейли.

Меджнун следы стоянки обошел,
Становища останки обошел,

Там, где следы жилья заметить мог,
Он подметал ресницами порог.

Случайно поднял он безумный взор,—
Увидел он возлюбленной шатер.

Упал Меджнун, от боли сжался весь:
Вот здесь она жила, дышала здесь,

Вот этот прах... то был порог ее!
Вот эта пыль касалась ног ее!

Меджнун еще сильнее занемог,
Любви еще свежее стал ожог,

К любимой сердце бедное рвалось.
Он запах чувствовал ее волос,

Припав к земле, вбирал он грудью всей
Дыхание возлюбленной своей.

Ресницами густыми жалкий прах
Он подметал и пыль скрывал в глазах,—

Как бы легла на стекла эта пыль,
От слез его размокла эта пыль,

И стала глиной вязкою она,
И сделалась замазкою она:

Окно замазать нужно навсегда,
Чтоб в дом любимой не вошла беда!

И на мгновенье лег безумец в печь,
Чтобы своим огнем ее зажечь,

Золой глаза намазал, как сурьмой,
И, как сурьма, глаза оделись тьмой.

Потом конюшню старую нашел,
Он к стойлам опустевшим подошел,—

И сразу пожелтел он, как саман!
И снял он с крыши несколько семян,

Посеял в сердце семена любви.
И раны он перевязал свои,

Из крыши вырвав войлока кусок...
Его вниманье жалкий пес привлек.

Был в язвах, лишаях паршивый пес,
Краснела кожа,— сплошной расчес,

Из носа, изо рта текла вода,
И в жилах крови не было следа;

Был от сустава отделен сустав,
Валялось мясо, от костей отпав.

Песчинка, волос, что к нему прилип,—
Считаться ношей для него могли б.

Не в силах был ходить, не в силах встать,
Не мог поднять хвоста пустую кладь.

Он запахом гниения пропах;
Не закрывались губы на зубах,—

Он зубы скалил, будто над собой
Смеялся, над несчастною судьбой;

Глаза низверг он в ямы: спрятал взор,
Как бы стыдясь взглянуть на свой позор!

Все тело гнойной влагой налито,
Вся кожа превратилась в решето,

И черви жадные вползли в нее:
Находят в ранах пищу и жилье.

И, с пластырем и мазью незнаком,
Облизывал он раны языком,

Облизывал их с яростью такой,
С какой когда-то лаял день-деньской!

Кишело столько мух в отверстьях ран,
Что мнилось: пятнами покрыт тюльпан.

От мух немало вытерпел он мук,
И вороны над ним чертили круг...

И, возмущен жестокостью такой,
Глядел на пса Меджнун, глядел с тоской,

Умилосердить он хотел червей,
Умилостивить птиц мольбой своей:

«О вороны! Ваш вид благословен!
Мне будьте, вороны, венка взамен!

Вся в ранах голова моя сейчас,—
Гнездо готово каждому из вас!

Пробито сердце вздохами насквозь,
И дыр немало бы для вас нашлось!

Разрушен я неправдой, горем, злом,
О, сделайте развалину жильем!

Вонзитесь в тело, выклюньте глаза,—
Не трогайте глаза и тело пса!

Вам нужен только тощий пес, больной?
Я пес больной. Насытьтесь, птицы, мной!»

Но понял он, что речь его слаба,
Бессильны довод, просьба и мольба,

И крикнул он, и птицы скрылись прочь...
Меджнун спешил животному помочь,

Страдающего пса поцеловал,
Потом свою рубаху разорвал,

На раны вытер кровь умело он,
Повязки наложил на тело он,

И в тень больного пса он перенес,
Взрастив на нем цветы кровавых слез:

«О ты, кто был на благо всех племен
Из верности и дружбы сотворен!

Ты умираешь, горе — твой удел,
Каким великим сердцем ты владел!

Как мышь летучая, не знал ты сна,
И голова была всегда ясна,

О верный страж! Так чуток был твой слух,
Что сотня прочих сторожей и слуг,

Храня жилье, могла спокойно спать,
Курильщиками опиума стать!

Насторожился волк, тебя страшась:
Огни зажег в глазах в полночный час!

И леопард, придя издалека,
Едва заметив два твоих клыка,

От огорченья, бедный, занемог,
Пятнистым стал от головы до ног!

И полосы на шкурах тигров злых,—
Следы царапин от когтей твоих!

И барс глаза зажмурил от стыда,
Увидев, как ты прыгаешь всегда!

Подобны мирте отпечатки лап.
«Плеяды»,— говорит о них араб.

О, ты бежал под стременем царя,
И шею гладила твою заря!

Ты болен. Человечий страшен суд:
Тебя завидев, люди прочь бегут.

И пусть бегут себе! Но ты поверь:
Я дружбою с тобой горжусь теперь!

Когда ты лаял на дворе Лейли,
В собачьей стае бегал я в пыли.

Ты мчался по степи стрелы быстрей,—
Я был собакой у ее дверей.

Когда ты возвещал, что будет гость,
Ты получал из рук прекрасных кость,

Тебя ласкала лучшая из дев,
На шею ожерелие надев.

Пусть буду жертвой телу твоему!
Пусть гибель от клыков твоих приму!

Вот кровь моя, больного сердца дань:
Сильней и здоровей, чем прежде, стань!

И если снова счастье обретешь,
И в дом Лейли ты снова будешь вхож,

Тогда моей тоске чужим не будь;
Тогда меня, страдальца, не забудь;

И душу у меня ты отними
И положи перед ее дверьми!

По улице промчишься, верный страж,
И мой привет прохожим передашь.

Ты будешь кость на улице глодать —
Меня припомнишь: я — кости под стать.

Вдруг счастье вздумает тебе помочь:
Настанет ночь, тебе не крикнут: «Прочь!» —

Ты сразу прекратишь протяжный вой,
Положишь тихо подбородок свой

На пальцы мягкие передних ног,
Положишь морду на ее порог,—

Тогда прошу я, милость мне даруй:
Порог любимой тайно поцелуй,

Чтобы никто, никто узнать не мог,
Что это я поцеловал порог!

Пусть позабуду я сиянье дня,
Но вырви оба глаза у меня,

И на ее дорогу положи,
Там, где поставит ногу, положи!»

Так мудро говорил он о Лейли,
Прохожих эти речи привлекли.

Кто знал его — заплакал, пожалев,
А кто не знал, дивился, ошалев:

Собаку он слезами оросил!
И некий добрый человек спросил:

«О ты, кто углем был в огне любви!
Нет, саламандрою себя зови!

Небесными твои дела слывут,
И люди ангелом тебя зовут.

Из пламени и света существо,
Ты ангела являешь естество.

Был ангелом для нас бесплотным ты,—
Свел дружбу с мерзостным животным ты!

Меж ангелом и псом какая связь?
Как чистоту соединить и грязь?

Не вступит ангел в дом, в котором — пес:
Преграду между ними бог вознес!»

Меджнун ответил на слова его:
«Ты о любви не знаешь ничего!

Себя скорее ангелом зови:
Ни разу не страдал ты от любви!

Таких, как я, звать ангелами — ложь:
Я даже духам злым внушаю дрожь!

В любви сгорело существо мое,
Небытием сменилось бытие.

Я куча пепла: раненому псу,
Как пепел, облегченье принесу.

Пес — в ранах весь. Иль будут люди злы
И пса прогонят от моей золы?

В нем нет собачьих свойств, он чист вполне:
Вся псарня мира собрана во мне!

Я пес, я раненое существо,
Позор я для народа своего!

Кто ранен, душу тот готов отдать
За пластырь. Я же должен обладать

Десятком душ, нет, нужен мне туман [3],
Нет, сто туманов, чтоб спастись от ран!»

Росло безумье в нем от этих слов...
Внезапно диких вспомнил он ослов

Пустыни, где с джейранами бродил,
С газелями, куланами бродил,

Им прощанье пса поцеловал,
Им пустынный вышел перевал,

Их диким зверям побежал скорей,
Искал он жить опять среди зверей.

* * *

Когда Меджнуном посланный к Лейли
Зейд, наконец, достиг ее земли,

Идоступ вскоре получил к луне,
Исшей увиделся наедине,—

Одруге благосклонном он сказал,
Ожалком, о влюбленном рассказал.

Умери закружилась голова,
Едва услышала его слова,

Дыханье стало пламенем полно,
Изсердца сталь расплавило оно.

Тамброю пропитана коса,
Иль дым над головою поднялся?

Она, как черная коса ее,
Вся извивалась, и краса ее

Неугасимым пламенем зажглась,
Вода печали потекла из глаз:

«Твои слова, как душу, я приму:
Вернул ты душу телу моему.

Недуга моего целитель ты,
Не человек, а небожитель ты!»

И быстро побежала в свой покой,
И вышла со шкатулкой дорогой:

Там были редкостные жемчуга.
Сказала: «Весть твоя мне дорога,

Она ценней подарка во сто раз,
Но мало денег у меня сейчас...

О Зейд! Не скрою жадности своей:
Стократ была бы весть твоя ценней,—
Я недовольной все-таки была б!
О, где же он, любви безумный раб?

Ему письмо страданья напишу!
Я милости и верности прошу!

Свою печаль я передам письму,
Доставь его безумцу моему,

Ко мне с его ответом поспеши!»
И Зейд сказал: «Я раб твоей души,
Но торопись: меня пославший ждет,
К несчастью промедление ведет!»

Потребовав чернила и калам,
Чернила со слезами пополам

Смешав, Лейли закончила письмо,—
В нем сердце запечатано само!

И Зейд в пустыню поспешил с письмом,
А там в очаровании немом

Дни одиночества Меджнун влачил,
И Зейд ему послание вручил.

Упал он, уподобившись тому
Искомканному, смятому письму,

И молвил так: «Благословен посол!
С каким известьем ты ко мне пришел?

Единым словом исцеленье дай,
Открой письмо, ее веленье дай!»

Глава семнадцатая

Письмо Лейли Меджнуну

Когда Меджнун в сознание пришел,
Он скорбное послание прочел:

«Во имя всемогущего творца!
Он светом страсти озарил сердца!

Кому он дал хлебнуть вина любви,
Тот обезумел: вот вина любви!

Испившие того вина,— скорбят:
Таится в нем разлуки жгучий яд.

От яда исцеление дано:
То светлой встречи сладкое вино!..

Он соловью присвоил песнь тоски
И разорвал он розы лепестки.

Он повелел, чтоб слабый соловей
Рубашку розы разорвал своей!

Он повелел, что резвый мотылек,
Сгорев, свечу в небытие увлек!..»

Жемчужин много разбросав сперва,
Нашла такие тонкие слова:

«Бессильная — больному шлет письмо.
Далекая — родному шлет письмо.

Душа вошла, страдая, в то письмо.
Рисунок из Китая — то письмо!

Лишенный дома, каково тебе?
В огне, солома, каково тебе?

О ты, в ком от любви ко мне — тоска,
Любви ни разу не хлебнул глотка!

Ты не закроешь головы своей,
Когда печаль обрушит дождь камней!

Летучим пеплом став из-за меня,
Сравнишь ты с розой языки огня!

Пронзен мечом печали обо мне,—
Запел, и зазвучали обо мне

На всю вселенную слова твои,
Слова нетленные, слова любви!

Безумья цепи путают твой шаг,
Хвост бешеного зверя — твой кушак.

Как ты грустишь, угрюмый, обо мне,
Когда твои все думы — обо мне?

Трава, колючки в волосах твоих,
О, терпеливо кто же вынет их?

Макушка головы — гнездовье птиц.
О, кто, скажи, вспугнет становье птиц?

Разбита голова твоя в бою,—
Кто перевяжет голову твою?

Лицо твое покроет пыль степей,—
Кто сдует пыль, кто смоет пыль степей?

Из тела кровь пойдет — в который раз! —
Кто смоет кровь соленой влагой глаз?

Теряешь на руках занозам счет,—
Кто иглами ресниц их извлечет?

Ты станешь в пламени тоски золой,—
Но кто засыплет пламень тот землей?

Слабея, свалишься на землю вдруг,—
Но где твой охранитель, где твой друг?

Бежишь, бежишь один, полуживой,
И только тень — товарищ верный твой!

Когда жарою выжжена трава,
Тебе дарует тень одна сова,

И в хижине разрушенной в ночи
Над головой твоей кричат сычи,

А ночью звери подойдут, рыча,
И волчьи очи для тебя — свеча,

И ночь отрубит голову косой,
Заплачет утро светлою росой...

Взамен постели ты найдешь песок,
И вместо чаши ты найдешь цветок.

Я так слыхала — правда есть в словах? —
Уселись мухи на твоих бровях,

Ненастье у тебя над головой...
О, разделить хочу я жребий твой!

Чтоб я была товарищем твоим,
Охвачена пожарищем твоим,

Чтоб мир погиб во тьме небытия,
Чтоб в мире были только ты да я.

Чтоб засверкала счастьем жизнь земли,
Чтоб мы без страха встретиться могли!

О если б ты, измученный в былом,
Нашел блаженство под моим крылом,

Обитательницей нежных рук
Твоя бы шея стала, вечный друг!

На плечи опирался б головой,
Ласкал бровями подбородок мой,

Лицо твое, что светится умом,
Нашло бы отдых на лице моем,

Исполнилась бы губ твоих мечта,—
Каким прикоснулись бы мои уста!

О если бы я превратилась в тень,
Я б за тобой ходила целый день!

Но что поделать, если я раба,
Владеет мной жестокая судьба.

Хотя недугом страсти болен ты,
Но ты мужчина, в страсти волен ты,

Куда захочешь, можешь ты пойти,—
Одни колючки встанут на пути.

Пойдешь ли в горы, побежишь ли в дол,—
Тебе не станет цепью твой подол.

Но мне бежать оковы не дают,
Освободиться не могу от пут!

О, мне запрещено покинуть дом,
Я связана и страхом, и стыдом!

Сломала бы неволи цепь, но есть
Еще другая цепь: девичья честь!

Вином увенчан дружеский кружок,
А добродетель — женщины венок.

Легли на спину тяготы невзгод,—
Они задавят, если честь уйдет.

Свою завесу разорвет бутон,—
Наказан гневным небом будет он!

Я не скажу: моя печаль — сильней.
Я говорю: она — равна твоей.

Вздыхаешь ты, и каждый вздох — в огне,
А я горю, но вздох запретен мне!

Пусть обо мне сильна твоя печаль,
Но послан был тобою Науфаль,

Он воинов собрал на нас в поход,
Поверг он в страх и трепет мой народ.

Отец мой умертвить меня хотел,
Но я благословила свой удел,

Я думала: «Умру я — не беда:
Мне смерть из-за него мила всегда!»

Ты с Науфалем дружен, говорят,
На дочь его ты бросил страсти взгляд.

Все говорят: пройдет немного дней,
И ты навек соединишься с ней...

Сопутствовать да будет счастье вам!
Клянусь: не верю лживым я словам,

Но если ты желаньем опалим,
Я буду счастьем счастлива твоим!

Я видела ее: она стройна,
Приветлива с людьми, нежна, скромна,

И что б ни говорили — хороша,
И ласковая у нее душа.

Пусть будет с вами бог во всех делах!
Пусть ваш союз благословит аллах!

Когда любовь прикажет слиться с ней,
Когда ты будешь веселиться с ней,—

В дому счастливом вспомни обо мне.
Будь справедливым: вспомни обо мне!»

Меджнун, прочтя письмо Лейли своей,
Стал тростникового пера слабей,

Он пролил подле Зейда реки слез:
«О, ты для сердца снадобье принес,

Но каплю яда с медом я вкусил.
Отравлен я. Писать ответ — нет сил!»

Но подал Зейд, не вняв его словам,
Бумагу, и чернила, и калам,

И вот уже ответ Меджнуном дан,
И Зейд свои шаги направил в стан.

Стал кратким путь далекий для него:
Сам ветер брал уроки у него!

Исполнил Зейд желание Лейли:
Вручил любви послание Лейли.

Раскрыв письмо, узрела красота,
Что на жасмине амбра пролита.

Что на бумаге — чернота чернил:
Кайс на бумагу жемчуг уронил!

Глава восемнадцатая

Ответное послание Меджнуна на письмо Лейли

"Хвала творцу и всем его делам!
Он подарил любовникам калам!

Единый,— он соединил сердца,
Нет у него начала и конца.

Он градом пробивает мир земной,
Он землю ударяет бороной!

Дает он злое сердце красоте,
Ожесточает равную мечте!

Возлюбленной восторг дарует он,
Когда мечом возлюбленный пронзен!»

Так начал справедливое письмо,
Свое красноречивое письмо:

«Вот изъясненье горя и тоски.
От сердца, сломанного на куски.

Посланье солнцу мира от огня,
Посланье пери милой от меня.

Где речь моя, где у меня язык,
Чтоб солнца восхвалить прекрасный лик?

Хвалить летучей мыши не дано
То солнце, что над миром зажжено!

О, пусть болтает ирис день и ночь,
Но розу описать ему невмочь!

Когда б разумным внял я голосам,
Когда б ослепнуть дал своим глазам,

Когда б тебя не видел я вовек,—
Тогда б я гибели своей избег!

Я бросил мир, и родину, и дом,
И вышел я, безумием ведом,

И долго шел в безмолвии степей,
И каждый дол был родиной моей,

В развалине я находил жилье,
В проталине я находил питье,

И был песок моим ковром цветным,
А солнышко — опресноком моим!

Мне горный кряж конем крылатым был,
Самум степной моим халатом был!

И стал я жить среди степных зверей,
Стал другом диких и ручных зверей.

Так я в пустыне чахлой одичал,
Что даже гулей [1] смехом я встречал.

В смущенье зверь от дикости моей,
Мученье птице от моих скорбей.

Такая слабость овладела мной,
Что больше беспредельности самой!

Когда перехожу долину я,
Прорвать не в силах паутину я.

Рассекла боль с размаха грудь мою,
И гад ползет без страха в грудь мою.

И стаи мух жужжат в груди моей,
Мой глаз избрал жилищем муравей.

Я жив? Иль мертв? Покорен я судьбе:
Вся жизнь моя — лишь память о тебе!

Сейчас мне жизнь стократы дорога:
Перо твое, рассеяв жемчуга,

Письмо печали написало мне.
Его читаю в дикой тишине,

И обретаю душу, силу, свет,
И в каждой букве — сто моих побед!

Но есть в письме два слова. Только два,—
Я обезумел, их поняв едва!

Вот первое: «Вы обнажили меч,
Решили смерти мой народ обречь».

Аллах, аллах! Помилуй, пожалев!
Взглянув на муравья, кто скажет: лев?

О комаре кто скажет: это слон?
Веревка разве скажет: я дракон?

Вот правда: в степь гнала меня тоска,
Где звери дикие — мои войска,

И Науфаль нашел меня в глуши,
Узнал, что ты — недуг моей души,

И, кажется, мне задал он вопрос,
В ответ я тоже что-то произнес,

Но что я произнес — не знаю сам,
О чем его вопрос - не знаю сам.

Что мог сказать блуждающий во тьме?
Миг — я в своем, миг — не в своем уме!

И Науфаль увел меня с собой,
И начался междоусобный бой.

И я узнал, что жаждет крови он,
Что держит ярость наготове он,

И я сказал, что мы уйти должны,
И ярость Науфаль вложил в ножны.

Когда потом, доспехов сбросив сталь,
Стал другом красноречья Науфаль,

Он мне слова почета говорил,
Он о женитьбе что-то говорил.

В той речи я не понял ничего,
Не понял и ответа своего,

Не принял в сердце этих слов пустых,—
Твое письмо читая, вспомнил их...

Какой великодушный человек
Мне б сердце подозрением рассек?

Я столько вынес, преданность храня,
А ты — ты вздумала винить меня!

Как опровергну я твои слова?
Виновен тот, в ком память не жива?

Тот, кто любви безумьем занемог?
Я весь — ошибка с головы до ног!

За твой привет я голову сложу,
Но все же слово я тебе скажу,

Всему, что сделал Науфаль со мной,
Одно мое безумие виной,

А я безумен по твоей вине...
Свою вину ты приписала мне!

Помилуй бог! Все говорят вокруг,
Что Ибн-Селлям — твой будущий супруг,

Что ты его желания венец,
Что дал ему согласье твой отец.

А ты согласна ли, не знаю я,
Не знаю, не подозреваю я...

Мой бог! Какие басни слышу я!
Молчите, люди: вас не слышу я!

Что говорю я, глупый человек!
Безумья вихрь дорогу мне пресек!

Сознанья нет и доли у меня,
Поэтому нет воли у меня!

Прости безумцу, ибо бредит он.
Я знаю: тот оправдан, кто прощен.

Я погибаю. Жребий мой суров,—
Не до красивых мне и тонких слов!

Среди живых я мертвому под стать:
Небывшей можно речь мою считать.

Когда небытие — мой вечный путь,
Живи — и другом неживому будь!

Владея душами живущих всех,
Возьми в подруги Радость и Успех».

Иветка пальмы, нежная Лейли,
Пока ее глаза письмо прочли,

Сломалась, как ломается письмо,
Согнулась, как сгибается письмо.

Обдумывала долго все слова,
Сказала так: «Была я неправа!»

Ее письмо вселило в душу зло.
Его письмо веселье принесло,

Его слова отраду принесли,
Их талисманом сделала Лейли,

И тот, Меджнун, чтобы спастись от ран,
Ее письмо надел, как талисман...

О письмоносец, новость какова?
Я заболел: суровость какова!

Лекарств не надо: слово дай одно.
Принес письмо? Но где же, где оно?

Глава девятнадцатая

О том, как отец нашел в степи безумца Меджнуна и уговорил его вернуться домой

Кто начал эту книгу в добрый час,
Продолжил так правдивый свой рассказ:

По милом сыне убивалась мать,
Отец не в силах был уже страдать,

Хотя решил: непоправимо зло,—
Стремленье к сыну верх над всем взяло.

Быть может, думал он, безумный сын
Над скорбью сжалится его седин,

И плач родительский, истошный крик
Безумья свяжет, может быть, язык,

Язык отца найдет сто тонких слов,
И вновь Меджнун войдет под отчий кров...

Решил: надежда сбудется его!
И повезла верблюдица его

В пустыню, и прошло немало дней,
И груду серых он нашел камней,

Он жалкие развалины нашел,
Он сына, опечаленный, нашел!

Безумному развалины сродни:
Он был разрушен больше, чем они.

Чем занят он, отшельником живя?
То убивает жалкого червя,

То подгорою глину роет он,
Столбы из этой глины строит он,

То голову посыплет прахом он...
То, одержим внезапным страхом, он

Садится быстро на стену верхом,
Трясется весь в отчаянье глухом,

Кусает ногти, рукава жует...
То запоет он, как сова поет,

И может, обессиленный, потом,
От пыли чистит филина потом,

И, дерзкая, познав свои права,
Ему садится на руку сова,

Садится филин и глядит вперед,
Рогами голову Меджнуна трет.

Господь раненья в голову нанес,
На ней ранений больше, чем волос.

В глазах окровавлённых — сто сучков,
Их больше, чем ресничных волосков.

Черты на крыше выведет впотьмах,
Из этих черт невольно выйдет: ах!..

И был отец несчастьем сразу смят,
Сыграло с ним страданье, сделав мат!

Воскликнул он: «Подобие чего
Вот это загнанное существо?

Ужели человеком назову?
Ужели сына вижу наяву?»

Отшельник страшен был, а шаг тяжел,
И все ж отец к Меджнуну подошел.

Но в сторону безумец отбежал,
Как будто страх отец ему внушал,

Как будто им сыновний долг забыт.
Заплакал тут седой отец навзрыд:

«О, должен ли меня страшиться ты!
О, сердца моего частица ты,

А сердце потеряло ранам счет!»
И понял сын: отец его зовет.

И встречей счастлив он с отцом родным,
И, вздох издав, упал он перед ним.

Отец нагнулся, поднял сына он,
С Меджнуном слился воедино он.

И крепко два страдальца обнялись,
Как буквы однородные слились [1],

В смятении кричали каждый миг,
И это был печали страшный крик.

Когда же улеглась тоска сердец,
Воскликнул так дряхлеющий отец:

«Несчастный сын! Ты — часть моей груди!
Сердечных ран моих не береди!

Ты плоть моя: ты ранен — ранен я,
Ты бездыханен — бездыханен я.

Еще не начинались дни твои,
А кровь твоя текла в моей крови.

Я требовал тебя в мольбах своих,—
Кормил голодных, одевал нагих,

С молитвою ложился и вставал
И милостыню бедным раздавал.

И я тебя нашел на склоне дней,
Ты сталединой радостью моей.

Сто капель крови я терял, пока
Ты насыщался каплей молока.

Колючка малая в твоей ступне
Вонзалась острым жалом в печень мне.

И свет наук твои глаза привлек,—
Тебя на первый я привел урок,

Чтоб с добрыми ты чувствами дружил,
С науками, с искусствами дружил,

Чтоб знание, достоинство и честь
Сумел ты самым высшим благом счесть.

Когда ты уходил и приходил,
За каждым шагом я твоим следил.

Я думал так: настанет мой черед,
От Истинного смерть ко мне придет,

Как некогда к родителям моим,—
Таков удел, назначенный живым,—

Тогда жилище взглядом обведу,
Тебя с собою рядом я найду,—

Ты будешь то в ногах, то в головах,
И я легко земной покину прах.

Когда простится с бренным телом дух,
Увидишь: дней моих огонь потух,—

От горя скрутишься веревкой ты,
Забьешься бабочкой неловкой ты,

Мне рай твоя молитва отопрет,
Тобою озарится мой народ.

Я думал: встречу смерть свою светло,
Мое в народе имя не мало,

И не мала и не пуста казна:
Чужому не достанется она.

Не даст наследник расточаться ей,
Не устремятся домочадцы к ней,

Не страшен ветер моему шатру,
Найдется крепость моему добру,

Мой дом родной не будет знать невзгод,
И в радости пребудет мой народ...

И время наступает: я умру.
Ночь тягот мчится к моему утру,

Сменило утро смерти ночь мою,
И я обличье смерти узнаю.

Свеча моя вот-вот сгореть должна,
Один твой вздох — погаснет вдруг она.

Душа вот-вот отправится в полет,
Один твой крик — и крыльями взмахнет.

Ты не был волен в том,— не прекословь,—
Что впала слабая душа в любовь,

Но есть конец, пойми, для всяких дел,
Но есть для каждой гибели предел.

Иль не видали мы людей любви?
Иль не топтали мы путей любви?

Кто в битве с нею голову сложил,
Тот разума презренье заслужил,

Тот не утонет, кто в пучине вод
Ногами и руками бить начнет,

Но тот, кто не старается спастись,
Не может не погибнуть, согласись.

Чтоб выбраться из чаши, муравей
Не силу — ум спешит собрать скорей.

Не только немощь людям дал господь,—
Лекарство дал, чтоб немощь побороть.

Сверни, мой сын, с опасного пути,
Старайся думать, как себя спасти.

Не сразу станет мудрым ученик,
Не сразу станет сахарным тростник,

Не сразу исцеленье ты найдешь.
Но все же к просветленью ты придешь,

Сто лет прожить захочет человек,—
Терпенья пусть возьмет на целый век.

Увы, тяжел на минарет подъем,
Зато легко сойдем с него потом.

Безумия вершина под тобой:
С горы спустись знакомою тропой.

Доколе без тебя мне горевать?
Покоя без тебя не знает мать,

От ночи до утра не знает сна,
С утра до ночи слезы льет она.

Взывает мать: «Мой сын, ребенок мой!»
Рыдает мать: «О верблюжонок мой!»

И так о камень бьется головой,
Что даже камень плачет, как живой.

Лицо свое, что горем обожглось,
Осыпав камфарой седых волос,

Тоскует мать, твоей тоской полна,
Ты падаешь — и падает она.

Последний или предпоследний вздох,—
Вот все, что ей теперь оставил бог.

Ушла надежда наша,— не вернуть.
Пора нам собираться в дальний путь.

Мой бедный сын! Ушел из дому ты,—
Ужель отдашь его чужому ты?

Тепло твое хранит твоя постель,—
Мой бедный сын! Ей дашь остыть ужель?

Умрем из-за тебя. Подумай сам:
Что ты ответишь гневным небесам?»

И, выслушав прекрасные слова,
Меджнун к ногам отца припал сперва,

Ресницами подмел он каждый след
Отцовских ног и так сказал в ответ:

«О ты, чье племя для меня кыбла!
О, да сгорит печаль твоя дотла!

Лекарства мне ты приготовил в дар,
Но в пепел превратил их мой пожар.

Терпенье, говоришь? Его унес
Поток моих кровавых, жарких слез!

Зачем твоя безжалостная речь
Клеймом клеймо старается прижечь?

Где мужество, где право я возьму,
Чтоб отвечать призыву твоему?

Твое желанье для меня приказ,
Как ты велишь, так поступлю сейчас.

Что я могу сказать в ответ тебе,
Когда ответа нет в моей судьбе?

А был бы вправе дать тебе ответ,—
Свидетель целый свет,— сказал бы: нет!

Но всюду заклеймен позором я,
Судьбы наказан приговором я,

Зажжен любовью, связан я судьбой.
Лишен я воли над самим собой.

Меня спасать остерегайся ты:
Меджнуна видишь, а не Кайса ты!

Не кипарис,— трава перед тобой,
Уже трава становится золой,—

Быть может, смерч, кружащий на земле,
Вид кипариса вновь придаст золе!

Когда, как солнце, ты пришел сюда,
Увидел ты: я — черная звезда.

Зачем не знал я ранее тебя?
Бежал я от незнания тебя!

Вовек недостоин я того,
Чтобы со мною признавал родство!

Путь зверей, я понял, не для нас,
Не может человеком стать Наснас [2].

Хотя собаки хуже всякой я,
Но быть хочу твоей собакой я:

Неверности не ведает она.
За человеком следует она.

Безумный пес в глуши пустынной я,
Но прихожу к тебе с повинной я.

Захочешь — пса прогонишь ты пинком,
Захочешь — пожалеешь, примешь в дом.

И точно так же ты меня прими,
Я буду снова жить между людьми!

Разумными считай мои дела,
Да не коснется их твоя хула!

Виновен я, но есть один закон:
Кто повинился, должен быть прощен».

Замолк Меджнун, и с быстротой слуги
К верблюдице направил он шаги,

И сразу — не забыл сноровку он —
От сбруи отвязал веревку он,

И к шее привязал ее своей
Одним концом, и подал поскорей

Другой конец отцу, и произнес:
«Я твой привязанный за шею пес!»

И, молвив так, он посреди пути
На четвереньках принялся ползти.

Отец веревку с шеи снял с трудом,
Спеша вернуть безумца в отчий дом...

Когда безумцем я проклятым стал,
Я родины своей вожатым стал.

У Кайса дом, отец... О Навои,
Ты без отца, и к дому нет любви!

Глава двадцатая

О том, как укрепились нити дружбы между Науфалем и отцом Меджнуна, как Меджнун убежал в степь и встретил там пастуха из племени Лейли, как безумец лишился сознания и уподобился барану или хотанскому джейрану, которого приносят в жертву в честь праздника «Курбан»

Кто ехал на верблюдице стихов,
Тот песню пел, и был напев таков:

Когда безумец в отчий дом вступил,
Обрадовался тот, кто грустен был,

Отец повеселел душой опять,
Помолодела сгорбленная мать,

В парчу одели сына, в тонкий шелк...
Об этом деле разговор не молк,

Сердца людей он заставлял расцвесть!
Узнал и Науфаль благую весть.

Он тосковал о юноше больном,
Он горевал, скорбел душой о нем.

Прогнал счастливый слух его печаль!
И, чтоб Меджнуна видеть, Науфаль

Помчался вскоре к племени Амир.
Забыто горе в племени Амир,

С любовью встречен знатный воин был,
Прием сердечен и достоин был,

За гостя каждый жертвой стать готов!
И, дружбу выказав на сто ладов,

Меджнун и полководец обнялись,
Как две лозы, они переплелись.

И долго в стане племени Амир
В честь Науфаля шел веселый пир.

Был весел Науфаль, доволен всем,
Не видел, что Меджнун смущен и нем.

Когда зашла вечерняя заря,
Как Науфаль, отвагаю горя,

Когда меджнуноликим небесам
Предаться время пробило слезам,

Разбросить всюду горсти звезд своих —
Опресноки припасов путевых,—

Тогда и гость дорогою прямой
Направил скакуна к себе домой.

Был весел Науфаль, ретив скакун,—
По-прежнему невесел был Меджнун.

Отец его, с собой наедине,
Так думал: «Прибыл Науфаль ко мне,

Меня возвысил он среди людей,
Мой дом почтил он милостью своей.

Мне полководец оказал почет...
Какая цель его сюда влечет?»

И вспомнил он: «Твердили все кругом:
С Меджнуном Науфаль давно знаком,

Меджнуна ради обнажил он меч,
Меджнуна сыном он желал наречь,

На дочери своей женить его...
Да, склонен он вступить со мной в родство!

А нет,— зачем он прискакал в мой стан?
У Кайса не такой высокий сан,

Чтоб запросто к нам ездил Науфаль!
Без повода он прибыл бы едва ль...

Мы Науфаля посетим сейчас,—
Того учтивость требует от нас,

Проявим кротость в разговоре с ним,
Потом слова о браке изъясним.

Нам будет радость, если скажет: да!
А скажет: нет! — смиримся мы тогда.

И вот старейшин всех собрал глава.
Одобрили они его слова.

Решили: Кайс останется в дому,—
Не подобает выезжать ему.

И вот плеяды полночи зажглись,
И люди, как плеяды, собрались,

И двинулись они степным путем,
И сто рассказов повели потом,

И побасёнкам не было конца.
Увеселяя так свои сердца,

Достигли науфалевых шатров.
Они нашли гостеприимный кров.

Умом высок и светел Науфаль!
Гостей с почетом встретил Науфаль,

Он поместил их в лучшие шатры,
И начались веселые пиры.

И гости, молчаливые досель,
Открыли, в чем их посещенья цель.

Был Науфаль обрадован весьма.
Благая весть для сердца и ума!

Сказал: «Давно уже, по мере сил,
Заботу о Меджнуне я вкусил,

О браке слово я сказал давно,
То слово крепкое навек дано,

Отказывать не стану и теперь.
Назад ступайте к стану вы теперь,

А здесь для пира свадебного я
Велю готовить яства, пития.

Меджнуна сыном скоро назову —
Желаньем этим только и живу».

И свадьбы день назначил Науфаль.
Приготовленья начал Науфаль,

Чтоб угощеньем на пиру блеснуть...
Простились гости и пустились в путь,

Поехали, довольные собой,
Не зная, что́ им суждено судьбой.

* * *

Случилось так: Меджнун в своем шатре
Метался, как преступник на костре,

Его объяла пламенем любовь,
Лишила воли, в степь толкала вновь.

И вырвался язык огня любви,
И выбежал безумец в забытьи.

Родных разбив надежды, — убежал,
В пустыню без одежды побежал.

Так мчится до заката солнца он,
Не знает сам, куда несется он,—

Любовь Меджнуна по степи несла.
Но вот седое небо до Козла [1]

Домчалось, наконец, издалека,
Собрало звезды — капли молока,

Лепешку приготовило оно,
И снова солнце мира зажжено!

И услыхал Меджнун блеянье вдруг,
И стадо увидал баранье вдруг,

И встретился в пустыне с пастухом,—
Казалось, был ему пастух знаком,

И пастуха страдалец поразил,
Страдальца о здоровье он спросил.

«Твой лик благословен! — Меджнун вскричал,—
Скажи, где прежде я тебя встречал?

Меня влечет к тебе твой добрый нрав!»
Сказал пастух, к ногам его припав:

«Мой жребий скромен — я пастух простой.
К баранам отношусь я с добротой,

С ягнятами беседую всегда,
Лейли принадлежат мои стада.

В народе я видал тебя не раз,
Страданья школу ты прошел у нас,

Давно я знаю про твою беду,
Но я лекарство для тебя найду!»

Меджнун, чтоб высказать любовь свою,
Упал пред ним, он сделал бровь свою

Подковкой для сандальи пастуха,
Воскликнул: «О не ведавший греха!

Твои слова, как душу, я приму,
Вернул ты душу телу моему!

Ты мертвых оживляешь, как Иса,
В пастушестве творишь ты чудеса!

О ты — Муса: твой клич законом стал!
Ты — Аарон: твой жезл драконом стал!

Нет, Хызром стал ты на моем пути,
Живую воду мне помог найти! [2]

В ночи разлуки стал ты светом дня.
Я болен страстью. Пожалей меня».

Сказал пастух: «Благословен твой путь!
Мой друг, со мной до вечера побудь,

Мне ведомо влечение твое,
Мне сладко излечение твое».

И вот Меджнун весь день в пыли бредет,
Но длится долгий день, как целый год.

И вот заходит солнце. День потух.
К становищу погнал стада пастух,

Потом баранью шкуру показал:
«Накинь ее на плечи,— он сказал,—

Войди в нее, Меджнун, согни свой стан
И стань четвероногим, как баран,

И будув стаде я тебя пасти,—
Такогослучая не упусти.

Узнай:как солнце озаряет мир
В созвездье Овна, так и твой кумир,

Играя резвясь в кругу подруг,
Сюда приходит, на зеленый луг,

Чтобы взглянуть, как мы доим овец,
Блеснуть, как солнце, для простых сердец,

Дойдет она до головы твоей,—
Тогда на пери бросить взгляд сумей!»

И вотМеджнун — таков его удел —
Баранью шкуру на себя надел,

И весь вошел в нее, согнув свой стан,—
И стал четвероногим, как баран.

И вотвстает становище вдали,
И вотбежит с подругами Лейли,—

Так вореоле звезд блестит луна.
Она тоской великою полна,

Огонь разлуки щеки ей ожег,—
Покрыл румянец кожу нежных щек.

И лепесток — лицо ее: оно
Росой кровавых слез напоено.

И локон уподобился метле:
Смятенья пыль развеял по земле.

Смятение сурьмит ее глаза,
В них блещет молния, шумит гроза,

Печали черный дым клубится там,
Ресница каждая — убийца там!

Разумного сожжет ее краса,
Безумного убьет ее гроза.

Воистину красавица она:
Все гибнет, лишь появится она,

Ей пери позавидовать могли б!..
Ее Меджнун увидел — и погиб.

Такой издал он исступленный вздох,
Что небо задрожало, мир оглох!

Среди баранов он упал в пыли,—
Как будто на закланье повели.

Забывшись, он заплакал, и тогда
Бараны разбежались, кто куда,—

Друг друга забодали на бегу.
Лишь он один остался на лугу.

«Что это значит?» — думает Лейли.
«Кто это плачет?» — думает Лейли.

И видит: шкура на траве лежит.
И видит: в ней возлюбленный сокрыт.

Он в пепел превращен огнем любви.
Нет, лучше мускусом его зови!

Как мускус — черен, а в глазах — тоска,
Худое тело тоньше волоска.

И горестью раздавлена Лейли,
И разумом оставлена Лейли,

С Меджнуном рядом падает. О нет,
То падает на землю чистый свет!

Любовью гурия занемогла,
С Меджнуном рядом гурия легла...

Кто был в любви правдив и светел, тот
Возлюбленную любящей зовет.

Служанок робких охватил испуг:
С подругою соединился друг!

И побежали, быстрые, к Лейли,
И подняли ее, и унесли.

Шли пастбищем овец и кобылиц,
Придумывая сотни небылиц,

Чтоб успокоить всех родных Лейли.
И вскоре скрылись девушки вдали...

Вот повесть, удивляющая мир:
Когда владыка племени Амир,

Вернувшись в дом, узнал о беглеце,—
Зажег он слезы на своем лице.

Он дал излиться пламенным слезам,
Пошел он, плача, по его следам,

И всех расспрашивал о сыне он,
Безумного нашел в пустыне он,

Нашел его, покрытого песком,
И на руках понес его бегом,

Достиг он стана, тяжело дыша:
Сто раз хотела вырваться душа.

Но вот Меджнуна ложе наконец!
Меджнун очнулся: перед ним отец.

Где был он? Память бедная глуха:
Баранов он забыл и пастуха...

В степях Аймана ты пасешь стада! [3]
Твой пес — тебе я верен навсегда!

Я только твой рассказ передаю.
Возьми же руку слабую мою.

Глава двадцать первая

О том, как после долгих уговоров отец Меджнуна добился от сына согласия жениться на дочери Науфаля и о том, как после свадебного пира во дворце Науфаля Меджнун убежал в степь, покинув невесту

Украшенный жемчужинами слов,
Девичий лик рассказа был таков:

Когда пришел в сознание беглец,
Заплакал, горько жалуясь, отец,

Увещевал Меджнуна без конца,—
И тот, взглянуть не смея на отца,

На землю, от стыда сгорая, лег,
Он целовал следы отцовских ног,

Молил отца: «Прости меня скорей,
Я прибегаю к милости твоей!»

Решив: сознался сын в своей вине,
Раскаяньем наказан он вполне,

Отец сказал: «Ты можешь быть прощен,
Но должен жить, как требует закон.

Вину свою ты искупи сейчас:
Как я велю, так поступи сейчас».

Меджнун всегда великодушным был,
Он благородным и послушным был,

Когда в мозгу не воцарялась мгла,
Чужда ему невежливость была.

Исполнен вежества прямых людей,
Исполнен мужества святых людей,

Несправедливости не выносил
И неучтивости не выносил.

Он так сказал отцу: «Твой правый суд
И слово — пусть прощенье принесут.

Твой приговор я с радостью приму,
Я слову подчиняюсь твоему».

От этих слов повеселев тотчас,
Отец повел о сватовстве рассказ:

«Единственный среди аравитян,
О нет! Скажи: среди подлунных стран,—

Был Науфаль заступником тебе,
Всегда сочувствовал твоей судьбе,

Всегда помочь твоей любви хотел,
Но был тебе сужден другой удел...

Его стараний счесть я не могу,
Ты в неоплатном у него долгу,

Ты должен повиниться перед ним,
И будешь ты прощен отцом родным.

Ты хочешь быть покорным до конца?
Исполни просьбу дряхлого отца;

Мне принеси повиновенья дань,
А Науфалю верным сыном стань.

Есть у него жемчужина одна,
И сердце каждое влечет она.

Таит живую розу красоты
Девичий заповедник чистоты.

Она красой затмила небеса,
Сразила сто племен ее краса,

Ее невольникам потерян счет,
Открыться ей — невольный страх берет,

Твое согласье — слава для меня,
А твой отказ — отрава для меня.

Прошу тебя, когда согласье дашь,
И весь народ возрадуется наш».

Язык Меджнуна так отец связал,
Что соглашаюсь я!» Меджнун сказал.

Обрадовал отца ответ его,
Людей созвал он племени своего,

И вот выносят яства и вино —
Припасы приготовлены давно.

Одежды пира украшают всех,
А на Меджнуне — драгоценный мех,

Вот соболь черный, белый горностай,—
Одетым в день и ночь его считай!

И двинулся веселый караван,
И показался Науфалев стан.

Созвал и Науфаль своих гостей,
Созвал он знатных и простых людей.

Уселись приглашенные в кольцо,
К законам счастья повернув лицо.

И длился пир семь дней и семь ночей.
И много было сказано речей,

И много чаш осушено до дна,
И радость остается им одна:

Сейчас войдут в нарядах дорогих
Прекрасная невеста и жених.

Невесту девять спрятало завес,
Как месяц девять спрятало небес.

Жених красив, как солнце поутру.
Ему готово место на пиру.

И вот, красноречивый, как Иса [1],
Восславил проповедник небеса,

Хвалу и славу господу воздал
И солнце с месяцем он сочетал.

И деньгами осыпана чета,—
Да будет жизнь в богатстве начата.

Когда, сходна с невестой молодой,
Заря закрылась темною фатой,

И на земле, на пастбищах степных,
Ночь на колени стала, как жених,

И дорогих каменьев без числа
На девяти [2] подносах поднесла,

Тогда, смеясь над юною четой,
Их вместе привели в шатер пустой,

Смеялись, ложе разостлав для них,—
Невеста не смеялась и жених.

Соединили, радуясь игре,
Купца — с товаром, Муштери — с Зухре [3].

Но мудрый Науфаль пришел потом,
Людей он попросил покинуть дом,

Закрыл от взоров любопытных вход,
И разошелся по шатрам народ...

А Науфаль сидел и пил вино,
Но сердце было смутою полно.

И, беспокоясь о судьбе детей,
Он тихо встал, чтоб не привлечь гостей.

И, крадучись, приподнял он кошму,
И что же тут представилось ему?

Узнав, что любопытные ушли,
Привстала сразу дочь его с земли,

Привстала, чтоб у ног Меджнуна лечь,
И повела потом такую речь:

«Единственный средь мира и в любви!
Сияют верностью глаза твои!

Из-за страдальческой любви к Лейли
Ты притчей стал для жителей земли,

И славят все влюбленные тебя,
Твою любовь навеки возлюбя.

Лейли ты отдал сердце и покой,
Зачем же в брак вступаешь ты с другой?

Желая наших радовать отцов,
Зачем ты сердца заглушаешь зов?

О юноша! Ты — царь страны любви
И всех, чьи помыслы — верны любви!

И я внушила страсть душе одной,
Есть у меня любимый, есть больной,

Из-за меня сгорает он в огне,
Привязан путами любви ко мне.

И я люблю, горю я вместе с ним,
Но пламя наше в тайне мы храним.

Подумай сам: что будет, если вдруг
Услышит он, что мне Меджнун — супруг?

Как нынешнюю ночь он проведет?
Не в силах жить, он гибель обретет!

Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнун, тебя молю:

Поняв, что я перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу,—

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставив народу на позор.

Из-за меня гонения прими!
Ты строго будешь осужден людьми,—

Пусть ополчатся всюду на тебя,
Но я молиться буду за тебя!

Так счастье дашь ты сердцу моему.
Меджнун! К тебе взываю потому,

Что с прочими людьми не сходен ты,
Великодушен, благороден ты!

Надеюсь я, что бог, дающий свет,
Убережет Лейли от всяких бед.

Жемчужину, рожденную для нег,
С тобой соединит господь навек!»

Меджнун ответил: «В радости живи!
Печальная — счастливой будь в любви!

Любя, одежды верности надень.
Да будет бог с тобою каждый день.

Я понимаю боль любви чужой —
И я скорблю израненной душой.

Упреков не страшись: вот я стою —
Пусть падают на голову мою!

Прощай. Тебе не причиню я зла.
Я сам хотел уйти. Ты помогла».

Так, пожелав ей много долгих дней,
Он проявил великодушье к ней,
Ей братом стал, ее назвал сестрой,
И вышел он и скрылся за горой.

Опять он по степи решил блуждать,
В пустыню горя он ушел опять.

* * *

Был Науфаль беседой изумлен.
Своим ушам с трудом поверил он!
Весь разговор, подслушанный в тиши,
Потряс его до глубины души.

И воин встал, и полон был тоской,
И тяжело пошел он в свой покой,

Как тот, кто крепким опьянен вином,
Не ведая, что бендж [4] таился в нем.

Что предпринять ему? С чего начать?
Нельзя рассказывать, нельзя молчать!..

А за другой стеною в эту ночь
Скрывался тот, кого любила дочь.

В руке держал карающий кинжал,
От ярости и ревности дрожал:

Замрут в блаженстве,— душу погубя,
Он их убьет сперва, потом себя!

Но был он чистой страстью опалим,
И смилостивилась любовь над ним.

Он, у Меджнуна чистоте учась,
Меджнуном был обрадован сейчас.

Меджнуновым величьем поражен
И разумом девичьим потрясен,

Он понял, что любимая верна:
Любовь неколебимая видна!

К земле припал он, в нем вскипела кровь,
Он сделал явной скрытую любовь.

Терпенье робкое замолкло в нем,—
Любовник пламенный ворвался в дом,

Перед любимой головой поник.
Испуганная, — подавила крик,

И сердце друга ласково взяла,
И голову страдальца подняла,

Укрыла голову в своей тени.
Давно друг друга жаждали они,

До этой ночи, жажде вопреки,
Не подавала встреча им руки,

Но был их пламень чистым, не плотским,
И подало свиданье руку им.

Безгласные, слились они в одно,
Их опьянило близости вино.

Но птица утра прокричала вдруг,
И вот с возлюбленной расстался друг...

Когда заря-невеста поднялась,
Белилами рассвета набелясь,

И небеса прислуживали ей,
Держа пред нею зеркало-ручей,

Тогда решили гости поутру
Направиться к счастливому шатру,

И, радостные, вместе все пошли,
К Меджнуну и невесте все пошли.

И что ж? Нашли одну, а не двоих.
Увидели невесту. Где жених?

Два племени заплакали тогда,
Два племени погибли от стыда!

И головою Науфаль поник.
Был скован немотой его язык!

Но все же долее молчать не мог.
Сказал: «Так пожелал всевышний бог!

Судьба такая свыше суждена,
Не ваша здесь и не моя вина,

Здесь не виновны даже сын и дочь.
Забудем все. Не в силах мы помочь».

И, проводив гостей, вернулся он,
Упал на землю, растянулся он,

От всех скрывая, как душа скорбит,
Скрывая боль страданий и обид...

О лекарь мой искусный! Болен я,
Твоим леченьем недоволен я.

Когда тебе меня взаправду жаль,—
Верни мне душу, прогони печаль.

Глава двадцать вторая

О том, как справили свадьбу Ибн-Селлям и Лейли, как Лейли убежала в степь и встретилась там с Меджнуном

По всем страницам пробежав, калам
Такую повесть поверяет нам:

Немало в небе вероломства есть,
С обманом у него знакомство есть,

И шутки начало шутить оно!
А шутки — что? Бесстыдство лишь одно!

Меджнуну повелело: «В брак вступи!»
И в то же время мчится по степи

Со всеми родичами Ибн-Селлям:
Он в стан Лейли велел скакать коням!

С почетом племя встретило гостей —
И жениха, и всех его людей.

И свой народ созвал отец Лейли,
И вскоре кубки пира принесли.

Продлилось пиршество немало дней,
А наливались кубки все полней.

Но только свадьба веселит пиры!
Дождались гости радостной поры.

И выбран был благословенный час,
Для двух народов незабвенный час.

И проповедник высунул язык —
Он попусту давно болтать привык —

И закрепил он брачный договор.
И все пошли к Лейли, в ее шатер,

Вступили в целомудрия приют,
И вот луну дракону отдают.

Невесту к Ибн-Селляму подвели,
Он руку протянул руке Лейли,

Но странный случай с ним произошел.
Страдал он сердцем. Был недуг тяжел

И мучил Ибн-Селляма издавна.
К тому же много выпил он вина,

Как будто заливал вином пожар,—
И на пиру его хватил удар.

Все тело судорогой сведено,—
Вперед запомнит он, как пить вино!

Но вот затих, недвижный, как мертвец,
И люди все подумали: конец.

Казалось, был он смерью покорен...
Смех свадьбы стал рыданьем похорон.

И жениха скорее унесли —
Забыли о невесте, о Лейли.

От горьких дум, которым нет числа,
Павлиньи сломаны ее крыла.

И думы ей покоя не дают,
Уйдут — придут на смену сотни смут.

Она решила ночью мертвой лечь
И притаила ядовитый меч.

Желанье Ибн-Селлям не утолит,
Она себя от мира удалит!

Она свободной сделает себя,
Умрет, единственного полюбя!

И выбран этот меч недаром был:
Наказан Ибн-Селлям ударом был...

Коварству неба где найти предел!
Как много в мире непонятных дел!

И вот одно: Меджнуна и Лейли —
Две несказанных радости земли —

Ударила судьба такой волной,
Что двое сделались четой одной.

Но две жемчужины разлучены:
Тот — мужем наречен другой жены,

Той — суждено другому стать женой —
И что же? Нет отверстья ни в одной!

И все это в одну случилось ночь!
Как вероломство неба превозмочь?

Не знают новобрачные родства,
Чужими стали, в брак вступив едва.

Или для них и час, и день, и год
Один и тот же выбрал звездочет?

О нет: и звездочет бессилен тут.
Ведь сказано: «Все звездочеты лгут!»

* * *

Когда, решив: жених сейчас умрет.—
Стоял всю ночь вокруг него народ,

Тогда вернулось мужество к Лейли:
Свободна от супружества Лейли!

Пока без чувств лежал ее жених,
Тихонько, незаметно для родных,

Она покинула отцовский дом
И скрылась вскоре за степным холмом.

Куда идет? Не ведает сама,
Не видно стана за песком холма...

И в ту же сторону Меджнун идет
Не сам идет — любовь его ведет,

И приближаются в степной дали
Лейли к Меджнуну и Меджнун к Лейли!

Его печальный голос ей знаком:
Животворящим он звенит стихом.

Меджнун ее дыхание вдохнул,
Ее благоухание вдохнул.

К Меджнуну подошел его кумир.
Подобной встречи не запомнит мир!

И друг на друга смотрят, не дыша:
Вернулась к телу слабому душа.

Теперь им нужен был один творец!
Для двух жемчужин был один ларец!

Два солнца всходят на одной земле.
Две розы зреют на одном стебле.

В едином теле две души сошлись,
В глазу едином два зрачка зажглись.

Дух плотью стал, и духом стала плоть —
Единой сделал двойственность господь.

Слил виночерпий вина разных лоз
И чашу единения поднес,

Любовным зельем сделалась она,
Он сделался поклонником вина.

Он захмелел, она пьяным-пьяна,
И тот, и та — поклонники вина.

Два имени у них — что из того?
Единое мы видим существо!

Слились две капельки живой воды.
Их не разнять, напрасны все труды!

Она — вода, он — сахар в их судьбе.
Всю воду сахар притянул к себе.

Она — вода. От вздохов он дрожит,
Он пузырьками по воде бежит!..

Над ними небо сжалилось на миг,
И сон в глаза жестокости проник.

И каждое дыхание земли,
И каждое создание земли,

Все крохотные твари в эту ночь
Стремились двум любовникам помочь.

Раскинул нитку длинную паук:
Закрыл их паутиною паук.

Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло.

Чтоб не тревожить их, комар замолк.
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Замолк и филин, тяжело вздохнув,
Под перьями он свой упрятал клюв.

Бродил в степи с баранами пастух,—
Вошел в его собаку сонный дух,

И на нее, чтоб не будила стан.
Накинул из бараньих шкур аркан[2].

Чтобы лиса проснулась лишь к утру,
Ночь окурила всю ее нору.

Заснули насекомые в степи.
Спокойно спят пасомые в степи.

И все летающие твари спят.
И все кусающие твари спят.

За жертвою не скачет крупный зверь.
Не воет и не плачет малый зверь.

Ослабли силы четырех стихий
И стали неожиданно тихи:

Вода бурливой не шумит волной.
Не гонит пыль густую вихрь степной.

Дыханье стужи дремлет под замком,
И пламя не болтает языком:

Оно завесой шелковой встает,
Чтоб войско стужи не сошло с высот.

Луны лепешка скрыта темнотой,
И стала ей земля сковородой.

От глаз Меркурий отгоняет сон,
«Воистину, готовы...» [3],— пишет он.

Венера не читает книг своих,
В руках Венеры звонкий чанг [4] затих.

Любовников дурной не сглазит глаз:
Его проколет Марс копьем сейчас.

Воззвал Юпитер к совести судьбы,
Он распростер ладони для мольбы.

Сатурн влюбленным робкий шлет привет,
И ночи цвет — Сатурна робкий свет [5],

Но руки вымазала ночь в смоле,
Чтоб не нашел рассвет пути к земле.

Боится утро холодком пахнуть,
Напепел ночи ветерком дохнуть,

Не дышит утро истинное здесь,—
Дыхание развеет пепел весь.

И даже утро ложное [6], поверь,
Такое осторожное теперь!

Невиден людям утренний рассвет,
Светильников для них на небе нет,

Чтоб разлучить влюбленных не могли!..
Как чуден мир: Меджнуна и Лейли

Преследовали небеса всегда,—
Водну лишь ночь исчезла вся вражда!

Душа и тело,— вот они слились,
Как плющ и кипарис, переплелись.

Один целует ноги у другой,
Ласкает шею робкою рукой.

Она — ладони сетью заплетет,
Как волосами, друга обовьет,

А то ведет ладонью по глазам,
По горлу, по лицу, по волосам.

Он тоже к сердцу друга припадет
И локонами руки обовьет,

И кудри — как чудовище-дракон:
Всегда хранит сокровище дракон!

Она, смущаясь, кудри соберет
И — спутанными — пыль с него сотрет,

И говорит: «О, пыль тоски твоей
Татарского мешочка [7] мне милей!»

Свиданием с возлюбленным пьяна,
Себя Меджнуном чувствует она.

В Лейли мечтает воплотиться он:
Игрив и ласков, как девица, он!

Она есть он, отныне он — она.
У них одно дыханье, жизнь одна.

Не страшен путь греха такой чете:
Их даже грех приводит к чистоте.

Кто чистотою равен им, для тех
Вовек любовь не превратится в грех,

Влюбленный должен чистым быть всегда
Любовь желанью грязному чужда!

Соединила двух людей любовь,—
Решило небо стать жестоким вновь,

И ложным утром озарило всех:
Раздался вероломный, лживый смех.

Взлетели искры утра выше гор,
В груди Меджнуна запылал костер.

Подобна утру светлому Лейли,—
Росой кровавой слезы потекли.

Прошла для них свидания пора,
Настала расставания пора.

Лейли, роняя красный цвет из глаз,
О прошлой ночи повела рассказ.

И на слова Меджнун переложил
Все то, что прошлой ночью пережил,

Один другому ноги целовал,
Один другому сердце разрывал,

Ожог разлуки ожигая вновь,
Немые руки обретая вновь.

С любимым быть на ложе — хорошо,
Но и расстаться — тоже хорошо!

Ушла Лейли: скрывается луна,
Созвездием скорбей окружена.

Пошел безумец по тропам степным:
И боль, и горе следуют за ним...

Свиданья ночь пришла, чудотворя,
Но сеть разлуки нам плетет заря.

Пусть ночь продлится век,— все жаждем нег.
Как вздох, как вздох один, промчится век!

Глава двадцать третья

О том, как Меджнун поднялся на гору Неджд, вспомнил свою Лейли и воспел джейрана

О ты, чью повесть воспитала боль!
Страницу боли так начать позволь:

Когда явилось утро, как жених
В сверканье драгоценностей своих,—

Очнулся Ибн-Селлям, жених больной,
Шафранной розе равный желтизной.

И родичам, столпившимся вокруг,
Он приказал: «Когда пройдет недуг,

О браке мы подумаем опять.
Теперь к отъезду надо приступать».

И родичи носилки принесли,
И вскоре скрылся караван вдали.

Народ, объятый скорбью и стыдом,
Не видел, как Лейли вернулась в дом,

Не ведал, что вернулась на заре,
Что ночью не спала в своем шатре.

Лицо Лейли волнение таит:
Меджнун все время перед ней стоит,

Ей мнится: ранним ветром донесло
Его дыхание, его тепло.

Она больна, и боль ее сильна,
И чаша жизни горечи полна...

Сближенья радость и Меджнун узнал,
Мгновенья сладость и Меджнун узнал.

Он прежде этой радости не знал,
Он прежде этой сладости не знал.

В огне тоски сгорал он, как трава,
Не понимал он, близость какова.

Он только по названью знал ее.
Наперекор незнанью звал ее.

Он близости дыхание вдохнул,—
Один глоток живой воды глотнул.

Судьба, всю воду расплескав со зла,
Другую чашу — с ядом — поднесла!

Разлука стала тяжелей стократ,
В груди — сто бедствий страшных, сто тигрят!

На счастье потерял надежду он,
Направился, печальный, к Неджду он.

Вершина Неджда скрыта вечной мглой,
Она — второе небо над землей,

Достигла уха неба вышиной,
Чтоб хищный барс не воевал с луной [1].

К созвездью Льва для барса нет дорог:
С козлом вершины дружит Козерог.

Гора — басмы не знает и румян,
Нет роз и зелени среди полян.

Вершина горная такой длины,
Что, словно меч, пронзает щит луны.

И каменная плоть горы — стара,
На камне камень, на горе — гора.

Породу эту горем назови:
Вершина горя над людьми любви.

Чтобы любовь наказывать больней,
Полны подол и пазуха камней...

И вот Меджнун взошел на перевал.
Метал он камни, травы вырывал,

И на вершину выбрался потом,
Ему вершина заменила дом.

Меджнуну, с высоты его жилья,
Открыта беспредельная земля,

Родная степь ему теперь видна,
Все табуны видны, все племена.

Становище Лейли он отыскал,
Становище из глаз не выпускал.

От горя и тоски в горах лечась,
Одно лекарство принимал сейчас:

Смотрел на черный дым в тоске немой:
Селенья дым служил ему сурьмой...

Своей любимой увидав шатер,
Вступал он сам с собою в разговор.

Блуждали звери дикие кругом:
Они — в своем уме, он — не в своем.

Слетались птицы, весело свища:
Они, как мотыльки, Меджнун — свеча.

Он безъязыким существам сродни,
Меджнуну — собеседники они.

Неисцелима боль сердечных ран!
Сердечным другом стал ему джейран.

Джейран — игрив, проворен, шаловлив.
Джейран — красив, и нежен, и стыдлив...

Искусным он изображен пером,
Взлелеян милостью, вскормлен добром.

Меджнун смотрел, светлея, на него:
Как шаловлива шея у него!

Как шаловливы очи у него —
Они темнее ночи у него!

О, бархат вместо ворса у него!..
Своим лицом он терся о него,

Его когтями тело он чесал,
Его ушами слезы вытирал.

Ему джейран опорою служил,
Безумец песню в честь его сложил:

«О верный друг тому, кто одинок!
Безумья друг от головы до ног!

О ты, чье тело нежится в шелках,
А ноги — в горностаевых чулках!

Пленительны повадки у тебя.
И круп, и бедра гладки у тебя.

Лицо твое спокойно и светло,
Достойно удивления чело.

Тюльпан покинут лепестком одним,—
Его ты сделал языком своим.

Но зубы где украдены твои?
То на тюльпане — градины твои.

Нет, назову их ниткой жемчугов!
Питаясь яркой зеленью лугов,

Ты в ней случайно яхонт отыскал,
Вот почему твой рог — как влажный лал!

Твои глаза по цвету — безоар [2].
Всему известен свету безоар:

Мы так противоядие зовем,
Противоядье — в облике твоем!

Иль, может быть, глаза твои таят
Яд обольщенья — самый страшный яд?

В них прелесть глаз моей Лейли видна:
Два томных, два веселых колдуна,

То грустные, то пьяные глаза
И без сурьмы сурьмяные глаза.

С очиненным пером нога сходна,
И, как перо, нога расщеплена.

Копыту — где сравненье подберу?
Пристала капелька чернил к перу!

О да, нога похожа на калам:
Суставы ног — сродни его узлам.

Ты свой калам недаром очинил:
Письмо к любимой, верно, сочинил!

Спустись, мой друг, в становище Лейли.
И разыщи сокровище — Лейли.

Резвись в степной пыли, но вдалеке,
Кружись вокруг Лейли, но вдалеке.

И каждый раз, как выкружишь кольцо,
На землю ты клади свое лицо.

Иди за ней: так выбран мною путь.
Будь прахом на дороге — мною будь.

И плавно подойди к ее шатру.
Я о твое лицо — свое потру.

Я о твои глаза — свои потру.
Когда шатра достигнешь поутру,

На милый облик пери не смотри:
О ноги пери ты лицо потри,

Об их следы потри свои глаза!
Друзей-животных вспомни голоса:

Рыча, мои реченья передай,
Мыча, мои мученья передай!»

Меджнун, как тайну, рану открывал,
Свою печаль джейрану открывал.

Узнали птицы о его тоске,—
Он говорил на птичьем языке.

Признаньями он заполнял в тиши
Страницы чистые своей души.

Он к птичьим крыльям привязал письмо —
Каламом сердца он писал письмо.

Друзьям пернатым горе поверял,
Ветрам крылатым горе поверял,

Но только радость встречи вспоминал,—
Он голос человечий вспоминал...

Пускай разлука длилась целый век,—
Ты счастлив краткой встречей, человек,

Продлившейся мгновение одно.
Но мне и это счастье не дано!

Глава двадцать четвертая

О том, как умерли родители Меджнуна, как Меджнун увидел их смерть во сне и пришел к ним на могилу

Кто песней боли вдохновился, тот
На пиршестве печали так поет:

Узнали на заре отец и мать,
Что стал Меджнун отшельником опять,

Тогда не только с горем и стыдом —
С желаньем смерти возвратились в дом.

И жизни краткой близился конец,
И лихорадкой заболел отец.

Ее холодный вздох, горячий пот
Предсказывали: смерть к нему придет.

Ее лечило множество врачей,—
Горячка разгоралась горячей...

Раз пальма жизни листьев лишена,
Напитком смерти влага стать должна!

Когда б он выпил даже камфару,
Все так же бы сгорал в своем жару!

Лекарство в виде семени дадут,
И древом смерти семена взойдут:

От манны [1] тут запор произойдет,
Желтуху вызовет уксусомед [2].

Наденут амулет — придет беда...
О, все лекарства гибельны тогда!

И черный ангел смерти прилетел,
И душу перенес в другой предел...

Нет, птица, что на лотосе жила [3],
Жилище постоянное нашла.

Он умер. Скорбь народная жива.
Ждет смерти безутешная вдова.

Была двойной печаль ее седин:
Скончался муж, пропал безумный сын.

Седины? В горе вырывала их,
Степному ветру предавала их!

Она себя рубила на куски,—
Веревка стала слабой от тоски.

И смерть поторопила свой приход:
Надел одежды черные народ.

С безумным сыном мать разлучена,
Вернулась к мужу верная жена.

И опустили мужа и жену
В ненарушаемую тишину.

Меджнун в неведенье блаженном жил.
Однажды сон глаза ему смежил:

Два голубя, чистейшие сердца,
В своем жилище вывели птенца.

Пером покрылся, крылья подросли,—
Волненья разум юный потрясли.

Безумие сказало так: «Покинь
Отца и мать, стань жителем пустынь».

И вот в пустыне стал птенец летать.
Отправились за ним отец и мать,

Безумца отыскали наконец.
Но тщетно! Не послушался птенец,

Не полетел к родимому гнезду:
Он сделал явной скрытую беду.

Когда пустились голуби назад,
Орлы, слетев с заоблачных засад,

Напали на несчастных голубей
И разорвали пленников скорбей...

Меджнун проснулся, горем потрясен.
Растолковать хотел ужасный сон.

И начал постепенно понимать,
Что умерли его отец и мать!

Меджнун с горы в долины побежал.
Слезами он стремнины орошал,

Рыдая и вздыхая каждый миг,
Он родового кладбища достиг.

Чтоб оглядеться, силы он нашел.
Две свежие могилы он нашел.

Обмазанные глиною тоски.
Их заносили горести пески,

Роса ненастья оросила их,
Трава несчастья окружила их,

Из скорбной завязи цветок возник:
Страданья роза, боли базилик.

Подобно двум погашенным свечам,
Могилы предстоят людским очам.

Покрыла двух людей земная пыль.
Не так ли скрыт внутри свечи фитиль?..

Меджнун осыпал голову землей,
О землю стал он биться головой.

Он запылал, и вздох взошел, как дым,—
Вселенной дом не виден был под ним.

Меджнуну показалось: мир исчез,
Упал на землю древний свод небес!

Там, где лежал отец, к земле приник
И тайну сердца превратил он в крик:

«О наилучший из аравитян!
Ты в небо вскинул помыслов аркан!

Открыл ты скатерть милости своей
Неисчислимым жителям степей!

Что жителям степей! Всем племенам
От Мекки славной до державы Шам! [4]

Ты руку над арабами вознес,
Я вызвал у тебя потоки слез.

Ты ждал меня, как счастье поздних лет.
Из-за меня погас твой слабый свет.

Из-за меня дирхемы ты терял,
А я тебя страданьем одарял.

Ты жаждал жемчуга для головы,
Тяжелым камнем жемчуг стал, увы!

Ты корпией хотел утишить боль,
И что же? В язву ты насыпал соль.

Ты сытости хотел, но голод был.
Искал ты меч, но сам проколот был.

Искал свечу, чтоб не было темно,—
Сгорел не только дом, но все гумно!

Ты одного меня искал, меня,
Чье тело стало черным от огня.

И черным днем покрыл я жизнь твою,
Своим огнем спалил я жизнь твою.

Как буду жить с такой судьбой, увы!
Как оправдаюсь пред тобой, увы!

Я не пошел по твоему пути,
Как я скажу: «Прости меня, прости...»?

Над мертвым так рыдал полуживой.
Ударился о камень головой

Над материнскою могилой он.
О матери заплакал милой он.

Сгорело сердце скорбное дотла,
Вселенная в смятение пришла.

Слезами землю в море превратил,
И стали рыбами жильцы могил.

Меджнуна жгла смертельная тоска:
Он — рыба на сковороде песка...

Скажи: не ворот — грудь он разорвал!
К почившей матери он так воззвал:

«О ты, услада сердца моего!
О ты, отрада сердца моего!

Ты — сад, я — выбрал для себя пустырь,
Ты — Каба, я — стремился в монастырь [5].

Тебя всегда я пыткам подвергал —
Святую Кабу каждый миг сжигал.

Я Кабу всю до основанья сжег.
Такой ужасный грех простит ли бог?

Ты — раковина, я — твое дитя.
Никчемный камень жемчугом сочтя,

Меджнуна бросил в раковину бог.
О, если б я во чреве занемог,

Едва родившись, умер бы тотчас,
О, если б, вспыхнув, светоч мой погас!

Я стал твоей тоской, твоей луной,
И ты простерла руку надо мной.

Ты ночью не ложилась на постель,
Мою благословляя колыбель.

О, ты была такой из-за меня:
Забыла ты покой из-за меня!

Я криком прогонял твой краткий сон,
Но глаз твой охранял мой сладкий сон.

Меня оберегая от беды,
Забыла вкус воды и вкус еды.

Ты ела хлеб, но думала о том,
Чтоб накормить ребенка молоком!

Ждала: когда под бременем забот
Старуха неба стан тебе согнет,

Избороздит морщинами чело,
Посеребрит сединами чело,

И если на постель захочешь лечь,
Тяжелой станет голова для плеч,—

Тогда родную не покину я,
Тебе, как ложе, выгну спину я,

Твою главу, как небо, окружу
И все удары неба отражу.

Сын будет преданным рабом тебе,
Ты сына верного найдешь в рабе!

И ты увидела на склоне дней,
Что стала ты слабей, а я сильней,

Но вырос я несчастным и дурным,
Не стал я верным спутником твоим.

Тебе забыл я руку протянуть,
Ресницами не подметал твой путь.

О мать, как мало я тебе служил!
Я немощи твои не возложил

На голову свою! Нет, не сочту,
Как часто злом платил за доброту!

С тобою разлучась в расцвете сил,
Неверность и незнанье проявил,

В безумии притворном погрязал
И в руки сердца твоего не взял.

Хотя я знал, что твой недуг тяжел,
Я для него лекарства не нашел.

Меджнун, тоской сраженный наповал,
Неистовые стоны издавал.

Рыдая, падал на колени там,
Сбирались вкруг него олени там...

Об этой скорби труден мне рассказ.
Я повесть о Лейли начну сейчас.

Жестоки были небеса к Лейли:
Разлуку вслед за встречей принесли.

Та встреча сделалась для ран врачом,—
Разлука вновь пронзила их мечом.

Огнем любви, который так жесток,
Сожжен Ирема сладостный цветок.

Пришло страданье, тело сокруша.
Бессильно тело и больна душа.

Отца и матери лишился друг,
Он болен, и Лейли сломил недуг,

И думала: «Виновна я вдвойне:
Меджнун виновен по моей вине.

Он заболел возлюбленной своей,
Его болезнь — причина двух смертей.

Я, я одна — первопричина зла!»
Такую тяжесть на сердце несла,

Такую думу прятала, скорбя,
Такую песню пела про себя:

«О небо, смерть несущее живым!
О ты, путем идущее кривым!

Несправедливо ты сейчас, увы!
Увы тебе, сто тысяч раз — увы!

Ты злобу вымещаешь на цветке,
Как больно бьешь ты розу по щеке!

Доколе будешь лепестки срывать?
Доколе по ветру их развевать?

Доколе будут каждый лепесток
Топтать подошвы человечьих ног?

Доколь каменьев груду на один
Обрушивать пылающий рубин?

Иль мало, что он сломан? Или впредь
Его ты хочешь в порошок стереть?

Рубин горит, как Марс, но в Марсе — кровь,
А в существе рубиновом — любовь!

О небо своевольное! Тебе ль
Пристало мучить горную газель!

Зачем ее ты режешь на куски?
Кинжалом лучше сразу рассеки!

Забудь на время вероломный нрав!
Погиб фазан, в твои силки попав.

Гордишься ты? Но жалок он и слаб.
Зачем же делать из него кебаб?

Зачем его неволишь? Он — орел?
Нет, он фазан всего лишь, не орел!

Беспомощную, слабую Лейли,
Познавшую все бедствия земли,

Зачем в огонь бросаешь, как траву?
Убей меня — я цепи разорву!

Развейся, бренный мир, мгновенный прах!
Восстаньте, взвейтесь, звезды в небесах!

Бессильную смогли вы побороть,
Унизили мой дух, убили плоть.

Доколе быть соломой мне дано
И жариться доколе, как пшено?

Исчезла между мной и жизнью связь —
Терпения веревка порвалась.

Прах тела моего взметает вздох.
Все недоволен ты, великий бог?

Моя душа тобою сожжена.
Очистилась теперь моя вина?

У друга умерли отец и мать,
Доколе болью мне двойной страдать?

Он горестью неслыханной убит,
Он о родителях своих скорбит,

А я не только лишь о них скорблю,—
Я за него терплю, его люблю!

В том горе роковое для меня,
Что горе — горше вдвое для меня!»

Текла печаль великая из глаз.
Лейли розоволикая зажглась,

Как солнечный закат, горит она,
Меджнуновым огнем раскалена!

Покрылся потом розы лепесток.
Внезапный жар почувствовал цветок.

От пота влажного — цветок в росе.
От лихорадки — в огненной красе...

Страдания и жалобы Лейли
До сердца матери ее дошли.

О, каково ей дочери внимать!
Когда страдает дочь, страдает мать.

Она пошла к отцу, полужива,
Передала ему Лейли слова.

И зарыдал отец и поскорей
Искуснейших созвал он лекарей.

Лейли подобна солнцу в летний зной:
Лицо покрыто жаркой желтизной.

Врачи недуг стремятся задушить,
Но разве можно солнце потушить?

От смерти не спасут лекарства нас,
И сам Иса бессилен в смертный час,

И разгорался с каждым днем недуг,
И слово ей пришлось услышать вдруг,

Что мертвеца подобьем стал Меджнун,
На кладбище надгробьем стал Меджнун,

На кладбище живет он, как мертвец,
Несчастной жизни близится конец.

Еще наперсницы сказали так:
Уже в глазах его — предсмертный мрак.

Он падает под бременем забот,
Из-за тебя он душу отдает».

Рассказ лишил Лейли последних сил.
Пожар жилище сердца охватил.

Корабль здоровья в море затонул,
В необозримом горе затонул...

Мой врач! Я больше не могу страдать!
Мне трудно предписанья соблюдать!

Огонь болезни стал сильней, увы!
Дай в руки мне напиток из айвы! [1]

Глава двадцать шестая

О том, как осенью погасла свеча жизни Лейли и улетела из клетки тела душа Меджнуна

Ветер осени дохнул чуть свет,
И сад в соломенный окрасил цвет.

Повсюду листья желтые висят,
Как будто заболел желтухой сад.

И ноги протянули, и легли
Иные листья на одре земли,—

Был стебель вытянутою ногой!
Да, ждал кончины сад полунагой!

Увы, осенний ветер был таков:
Он отнял веру в жизнь у лепестков.

Дрожали все деревья, все сады,
В сараях темных спрятались плоды,

Под натиском осенних холодов
Лишились ветви листьев и плодов.

День ото дня глядит печальней сад.
Для пыли стал опочивальней сад!

Безгрешным он, себя очистив, стал,
Страною звезд он из-за листьев стал!

Сто тысяч листьев светятся во мгле,—
Сто тысяч звезд на вымокшей земле!

Звезда — как зеркало, и взор привлек,
Изображая ручку, стебелек.

Нет отраженья в зе́ркальном стекле,
Ведь золото мы видим на стебле!

Как слезы на лице любви чисты,
На красных ветках желтые листы.

Над купами деревьев воздух мглист,
Письмо о смерти — каждый желтый лист.

Разбросил ветер листья на воде,—
Взгляни на воду: золото везде!

О нет, вода блистает лезвием,
А золото — ножнами назовем.

Чудесен в эту пору виноград.
Плоды червоным золотом горят,

Как перстни на прекраснейшей руке.
Иль это хна пылает вдалеке?

Ушли те дни, когда светла роса,
У гиацинта вьются волоса,

Когда тюльпаны жгучи, как огонь,
И красной краской пачкают ладонь.

Пришли те дни унылые, когда
Одета белым мрамором вода.

Упрямый ветер не щадит дерев,
Вздымает к небу свой протяжный рев,

И соловей, страдая без тепла,
Под собственные прячется крыла.

Дохнул осенний ветер на весну,—
Лейли к последнему склоняет сну.

Вступила осень в розовый цветник,
Цветку велела, чтоб к земле приник,

Сравняла пальму сильную с землей,
Сравняла розу с пыльною землей,

Шафрана разливая желтизну,
На осень переделала весну.

Лейли, что садом красоты была,
Что розой райской чистоты цвела.—

Лейли осенней сделалась порой:
Весна казалась осенью второй.

Болезни ветер дул в лицо сильней,
Распутались узлы ее кудрей.

О, волосы арканами зови:
Они арканы для людей любви!

Царица прелести земной больна,—
Освободила пленников она,

И нет ограды узникам любви,
Свободе рады узники любви,

Один лишь пленник хочет жить в тюрьме,
Но этот пленник — не в своем уме:

Две брови пленник распростер сейчас,
Что радость не вошла в жилище глаз...

Лежит в слезах царица красоты.
Чтоб светом озариться красоты,

К царице смерть-прислужница идет,
Румяна на лицо ее кладет.

Но пот бежит, как слезы по письму,—
Он смыл румяна, индиго, басму.

И сморщились медовые уста,
Нет, запеклись пунцовые уста,

От слов закрылись: надобно молчать,—
Там прыщики похожи на печать!

На подбородке впадинка была,—
Теперь голубка там гнездо свила,

То есть: голубку ожидает смерть,
Открыла впадину земная твердь.

И покрывало было ей дано:
Фиалкового цвета полотно.

То есть: на солнце, что навек зашло,
Фиалковое облако легло...

Решила: мир земной — уже чужой,
Уже расстаться надобно с душой!

От всех спешит избавиться она,
И вот лежит красавица одна,

И только мать она зовет к себе
И говорит ей о своей судьбе:

«Ты, чья душа моим жильем была!
Не помни мной содеянного зла!

Как жертву, отклоненную людьми,
Мою больную душу ты прими.

Я — только огорченье для тебя.
Как вымолю прощенье у тебя?

О, проживи я много тысяч лет,
И то моей вине прощенья нет!

Но губит осень все цветы в саду.
Настало время: скоро я уйду...

Смерть надо мной уже нависла. Нет!
Она пришла! Таиться смысла нет:

Ты знала все, в душе терзалась ты,
Хотя незнающей казалась ты.

Теперь, когда я в землю ухожу,
Не плачь о том, что я тебе скажу,

Не проливай потоки слез в тиши,
Не разбивай своей больной души.

Тебе тяжел, я знаю, мой совет.
Но выполни, молю, другой завет:

Пусть эту розу победил недуг,—
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

Но люди, звери, горы и леса
Поймут твоей печали голоса.

Пески сухих пустынь, полынь степей
Услышат громкий стон твоих скорбей.

И тот, кто болен, слаб и одинок,
Кто весь — печаль от головы до ног,

Чья жизнь сгорела в медленном огне,
В ком вместо жизни память обо мне,—

Как ветер, гонит он пустынный прах,
Как эхо, обрывается в горах! —

Когда услышит обо мне слова,
Когда узнает он, что я мертва,

Тогда расплавится его душа,
С моей душою встретиться спеша.

Отдаст он душу, обретет покой:
Он оболочку сделает пустой.

А то — среди живых пойдет ко мне,
Как солнце дней моих, придет ко мне!

Он, одержим любовью, подойдет,
Как солнце, к изголовью подойдет,

Печаль забудем, и любимый вновь
Покажет людям, какова любовь!

С моим он прахом прах смешает свой,
Навек поникнет мертвой головой.

Моей мольбе не откажите вы;
Почет Меджнуну окажите вы.

Любви почившей послужите вы,
Его со мною положите вы.

Мать! Ненависть забудь, поспорь со злом,
Добро и милость сделай ремеслом.

Меджнуну саван сшей — не согреши!
Из покрывала собственной души.

Меня в тот саван белый заверни;
Два тела — милость сделай — заверни!

Все нужное, как сыну, приготовь:
С ним дочь твою соединит любовь.

Для двух детей стели одну постель,
Клади в одну и ту же колыбель!»

Закрыв глаза от материнских глаз,
«Меджнун!» произнесла в последний раз,

Не вспомнила ни разу о Лейли...
И руки смерти на лицо легли,

И солнце смертная закрыла тень,
И мать увидела свой черный день.

И сердце неба кровью залилось:
Крик матери пронзил его насквозь.

И трижды мать вкруг ложа обошла,
Шатер, на смерть похожа, обошла,

Упала перед изголовьем ниц,
Потом соленой влагою ресниц

Лицо почившей стала щекотать,
Как будто говоря: «Не время спать,

Открой глаза, открой, смеясь, уста,
Мне без тебя вселенная пуста!»

Чтоб дать немного своего тепла,
Подмышку руки дочери брала,—

Но то, быть может, из объятий сна
Лейли тянула за руки она?

Откинув кудри от ее чела,
Показывает, как Лейли светла,

Как будто говоря: «Проходит ночь,
Родился день, пора проснуться, дочь!»...

Поднимутся, быть может, вежды? Нет:
На пробуждение надежды нет!

И мать, воздев ладони к небесам,
Дав распуститься белым волосам,

Слезам кровавым вылиться из глаз, —
Ногтями в старое лицо впилась.

Как разрывает утро ворот свой,
Рассыпав искры света над землей,

Она, как ворот, грудь разорвала,—
И светом сердца озарилась мгла.

Взывала мать, рыдая: «Горе мне!»
Стонала мать седая: «Горе мне!

Мерещится спросонок это мне?
Проснись, мой верблюжонок! Горе мне!

Открой глаза: дай солнце нам опять,
Чтоб захотелось девушкам гулять,

Чтоб разбежались по саду цветы.
Все ждут они: пойдешь ли с ними ты?

Подруг нарядных много собралось!
Дай гиацинты мне своих волос,

Их локонами землю обовью,
Их запахами землю оболью!

Сокровищницу сладостной красы —
Твое лицо — украсят две косы:

Сплету я косы — будут две змеи
Оберегать сокровища твои.

Окрашу я глаза твои сурьмой,
Окрашу брови я твои басмой:

Глаза — мечи турецкие — должны
Упрятаться в зеленые ножны.

Твое лицо я нарумяню вновь:
Прибавлю я своих царапин кровь.

Я индиго на щеки положу,—
Зрачок дурного глаза поражу.

Я родинку поставлю на щеке,
Как семечко в петушьем гребешке [1].

И покрывала длинные твои
На волосы накину я твои:

Закрыта будет сторона одна,
Другая будет сторона видна.

Одену плечи в розовый наряд,—
О нем с восторгом все заговорят.

Ты с девушками племени пойдешь,
Как искушенье времени, пройдешь,

Всех освещая, обольщая всех,
Пустынников святых ввергая в грех!

Иди,— любимого найдешь в саду.
Меджнун вопит и стонет, как в аду,

В беспамятстве сейчас он упадет,
Но жизнь вернет безумцу твой приход.

Ты не придешь — он прибежит сюда,
Что я смогу сказать ему тогда?

Где слово я, в смущении, возьму?
Как буду я смотреть в глаза ему?

Не повергай в печаль друзей твоих!
Ужель тебе не жаль друзей двоих?

Ужель тебе не жаль двоих сердец?..»
Так плакала. А за стеной отец

О землю ударялся головой,
Метался, ворот разрывая свой.

Был весь народ в печали о Лейли.
Народ кричал и плакал: «Вай, вайли!»

* * *

Я буду о Меджнуне говорить:
О нем я не могу не говорить!

Меджнун лежал на кладбище глухом.
Там люди воскресения [2] кругом.

Среди могил свою печаль влачил,
И был он чист, как жители могил.

Когда бессильной сделалась Лейли,
Он тоже лег, беспомощный, в пыли.

Когда любимой овладел недуг,
Любимый жертвой стал жестоких мук.

То в светлом вымысле, то в ясном сне,
Он был всегда с Лейли наедине.

О ней одной он слушал голоса:
То сердце чистое, то небеса
Весть о возлюбленной ему несли.
Когда старуха-смерть пришла к Лейли

И пери чашу выпила ее,—
Почувствовал безумец: острие

Безжалостное прокололо грудь,
И задрожало сердце, точно ртуть,

И голос неба зазвенел в ушах:
«О воинства скорбей великий шах!

В державе горя — повелитель ты,
Всех любящих сердец правитель ты,

Они тебе приносят рабства дань.
Не спи, герой страны страданья! Встань!

Осенний вихрь в твоем саду сейчас!
Подул самум — светильник твой погас!

Все то, что соловьиное в тебе.
Все то, что голубиное в тебе,

Все мотыльковое ты собери,
Скорее к поднебесью воспари:

Подруга путешествия — луна,
Но спутника все время ждет она.

Ты будешь путешествовать с луной,
Или придется ей уйти одной?»

Хотя, как паутинка, был он слаб,
И нитка задержать его могла б,

Но тигром с ложа прянул он, едва
Услышал эти вещие слова!

Как солнце, как небесная газель,
Он побежал, одну лишь видя цель:

Он видел дом Лейли в мечтах своих!
Держал он песню на устах своих,—

Не песнь рыданья, не страданья песнь,
А песнь свиданья, ожиданья песнь.

Сокровища души держал в руке,
Чтоб разбросать, как деньги, на песке.

Он прыгал — мнилось: молния зажглась,
Струится ливень радости из глаз.

Горя любовью, солнцем стал земным.
Бежали звери дикие за ним.

В груди Меджнуна страха не найти.
Он знал: никто не станет на пути.

Боялись люди твердости его,
Предсмертной светлой гордости его,—

Бежали некоторые скорей:
Боялись некоторые зверей...

И вот Меджнун достиг дверей Лейли.
Вот ждут его стада зверей вдали:

Стоят спокойно, а народ вокруг
Не чувствует от страха ног и рук...

Когда, решив покинуть этот свет,
Лейли давала матери завет,

Тогда влюбленный появился вдруг,
Пришел, как верный друг... Нет, вечный друг!

Глаза — глаза желанные нашли,
Глаза одно желание прочли.

Возлюбленная руки подняла,
Возлюбленному душу отдала.

Возлюбленный склонился, не дыша:
К возлюбленной ушла его душа.

Попутчика себе Лейли нашла,
Теперь дорога ей не тяжела!..

И люди без числа входили в дом,
И двух усопших находили в нем,

Событью небывалому дивясь:
Нерасторжима двух страдальцев связь!

Все немотою связаны уста:
Любовь Меджнуна так была чиста,

Что смерть нашел в любви, как жил в любви,
Две жизни души отдали свои!

Когда огонь сочувствия погас,
Такие речи начались тотчас:

«Оборвалась двух слабых жизней нить.
Как будем эти жизни хоронить?»

Сказали: «Тех, кому возврата нет,
В ком даже примеси разврата нет,

Двух чистых, чья благословенна кровь,
Кому жестокосердая любовь

Ни разу в жизни счастья не дала,
Чья смерть ужасна так и так светла,

Кто, не вкусив любви в земном краю,
Нашли сближенье вечное в раю,

Двух разлученных, Кайса и Лейли,
Соединим во глубине земли,

Дадим навек соединиться им,
Будь саваном одна гробница им!»

Решили: справедлив такой совет,
Розоволикой вспомнили завет,

И, поступив, как требует обряд,
Как поступать обычаи велят,

В одних носилках понесли двоих,
С невестой рядом возлежал жених.

Два тела вместе в саван облеклись,
В едином теле две души сошлись,

Две грани здесь кристаллины одной,
Две косточки миндалины одной.

О нет, не косточки! — одно зерно:
Из двух долей оно сотворено.

Не двойственное видим существо,
Единства здесь мы видим торжество.

Два тела, как зерно, слились в одно:
Не в саване, а в кожуре зерно!..

Украсили Меджнуна и Лейли,
На головах носилки понесли.

Душа, соединенная с душой,
Они покрыты шелком и парчой.

И вот в табут[3] возлюбленных кладут,
И в землю опускается табут.

Два путника нашли приют в земле:
Луна и солнце спрятались во мгле.

Наполнил души всех влюбленных страх:
И солнце и луна зарылись в прах,

Свечу надежды погасил самум.
Настало время для печальных дум,

Нет больше над влюбленными царя,
Луна зашла и не взошла заря!

И дважды в день на кладбище текли
Все родичи и весь народ Лейли,

Над камнем плакали отец и мать,
И страшно было стонам их внимать.

Недолго плакали: в тепле земли
Они отдохновение нашли...

О ты, кто стал виною наших слез!
Рыдай: две жизни прахом ты занес!

Когда ушли две жизни в мир теней,
Уйду и я с возлюбленной своей!

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

[1] *Рута* — растение. Считалось талисманом: ее зернами окуривали от дурного глаза.

Глава II

[1] Имя «Лейли» по-арабски означает «ночь».

[2] Мускус добывается из особых желез некоторых разновидностей газелей.

[3] Ночь, в которую якобы был ниспослан коран.

[4] *Иса* — Иисус. Он почитался мусульманами как воскреситель мертвых.

[5] *Мешшате* — прислужница, наряжающая и причесывающая девушек.

[6] *Хадд* — щека. Буква «даль» имеет форму завитка.

[7] *Фам* — рот. В букве «ф» имеется точка (сверху).

Глава III

[1] *Дирхем* — серебряная монета.

[2] *Фархад* — герой поэмы Навои «Фархад и Ширин».

[3] Здесь имеется в виду головной убор персидских царей Сасанидов.

[4] *Ирем* — легендарный сад в Южной Аравии, подобие рая.

[5] *Неджд* — плоскогорье в Центральной Аравии.

[6] Поговорка «повернуть подковки на обуви» означает: сбить с толку, запутать следы.

Глава IV

[1] Намек на распространенную на Востоке библейскую легенду об Иосифе Прекрасном.

Глава V

[1] *Девы* — злые духи.

[2] *Пери* — волшебницы, феи.

Глава VI

[1] *Меджнун* — безумный, одержимый.

Глава VII

[1] Жест, выражающий горе.

[2] *Кыбла* — направление в сторону Мекки, которое выбирают мусульмане во время молитвы.

Глава X

[1] Жест повиновения.

[2] *Калам* — тростниковое перо.

[3] *Джейхун* — река Аму-Дарья.

Глава XI

[1] *Харам* — территория Мекки и Медины.

[2] *Сноп* — жизнь. Это сравнение очень часто встречается в персидской и древнеузбекской литературе.

Глава XII

[1] *Газель* — особая стихотворная форма.

[2] *Редиф* — слово, повторяющееся в двух или нескольких строках после рифмы.

Глава XIII

[1] *Фархар* — мифический город, славящийся красотой своих жителей.

[2] Китайский хан олицетворяет солнце, восходящее, по представлению мусульман, в Китае. Иранский хан Хосров олицетворяет ночь.

Глава XV

[1] Знамениями («могущества аллах») назывались отдельные строки корана.

Глава XVI

[1] *Човган* — игра, напоминающая поло; в средние века была распространена на мусульманском Востоке.

[2] *Таммуз* — июнь (по-арабски).

[3] *Туман* — десять тысяч.

Глава XVIII

[1] *Гуль* — демон степей и пустынь.

Глава XIX

[1] Намек на удвоение букв в слове.

[2] *Наснас* — фантастическое существо, получеловек; упоминается в мусульманских космографиях.

Глава XX

[1] Созвездие Козерога.

[2] *Иса* — Иисус; *Муса* — Моисей; *Аарон* — брат Моисея; здесь намек на легенду о жезле Аарона, превратившемся в дракона. *Хызр*— «божий слуга», сопровождавший будто бы Моисея во время путешествия к «источнику всех морей». Другая легенда связывает имя Хызра с Александром Македонским, которому Хызр помогал найти «живую воду».

[3] Обращение к богу. *Айман* (Йемен) — местность вблизи Мекки.

Глава XXI

[1] Намек на то, что Иисус, по легенде, говорил еще будучи в колыбели.

[2] Намек на девять небес.

[3] *Муштери* — Юпитер. Это слово означает также «покупатель». *Зухре* — Венера.

[4] *Бендж* — наркотическое средство.

Глава XXII

[1] Известное изречение, приписываемое Магомету.

[2] Поверье магического характера: чтобы собака, стерегущая стадо крепко заснула, дев (дух) сна накидывает на нее веревку из шерсти животных, охраняемых ею.

[3] Начальные слова стиха корана (гл. 68, стих 51), которые якобы служат талисманом против дурного глаза.

[4] *Чанг* — музыкальный инструмент.

[5] Свет Сатурна казался средневековым астрономам тусклым, как бы темноватым.

[6] *Ложное утро* — первые проблески зари.

[7] Мешочек «татарского» мускуса — лучший сорт мускуса.

Глава XXIII

[1] По представлению средневекового мусульманства черные точки, видимые на луне, есть следы когтей барса, нападающего на луну.

[2] *Безоар* — вид камня; тут игра слов, безоар означает также «противоядие».

Глава XXIV

[1] *Манна* — слабительное средство.

[2] *Уксусомед* — средство против желтухи.

[3] Птица, живущая на лотосе,— душа.

[4] *Шам* — Сирия.

[5] Т. е. обратился к христианам, поступил не так, как следовало.

Глава XXV

[1] *Напиток из айвы* — жаропонижающее средство.

Глава XXVI

[1] *Петуший гребешок* — красивое растение с черным семечком.

[2] *Люди воскресения* — мертвецы.

[3] *Табут* — ящик, гроб.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Лейли и Меджнун» — одна из самых распространенных и любимых на Востоке поэм.

Сюжет поэмы имеет долгую и сложную историю. По утверждению академика И. Ю. Крачковского [1], первые следы его относятся ко второй половине VII века. По отдельным арабским источникам, в частности по свидетельству книги «Китаб-уш-шеър ва шуаро» Ибн Кутайбы, умершего в 889 г., Меджнун был исторической личностью. Другие же источники отрицают достоверность существования Лейли и Меджнуна. Однако несомненно одно, что во второй половине VII века в арабской поэзии появляется много печальных стихов о любви, в которых упоминается имя Меджнун. Число их росло, они входили в сборники. Но принадлежали они перу различных авторов.

По свидетельству арабских ученых Аль-Жохиза и Ибн-ал-Муътазза, все стихи, посвященные Лейли, приписывались Меджнуну.

В XII в. человек по имени Аму-Бакр-Валиби собрал все стихи, приписываемые Меджнуну, составил диван, дал толкование и ввел их в сюжет легенд о Меджнуне.

Стихи Меджнуна и легенды о нем становятся широко известными не только в Аравии, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке.

Если эти стихи были основой для появления различных легенд о Лейли и Меджнуне, то легенды о Меджнуне подготовили почву для создания более монументальных произведений о Лейли и Меджнуне в письменной литературе.

Первая поэма о Лейли и Меджнуне была создана на основе арабских источников в 1188 г. великим азербайджанским поэтом Низами Гянджеви. Создавая поэму, Низами стремился приблизить ее к своей эпохе. Изображая трагическую судьбу своих героев, он протестовал

---

[1] И. Ю. Крачковский. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейли в арабской литературе («Алишер Навои», Сб. статей, изд. АН СССР, М.— Л., 1946).

против гнета и притеснений. Благодаря перу Низами повесть о Лейли и Меджнуне поднялась до уровня художественного произведения, стала одной из традиционных поэм «Пятерицы».

В развитии и совершенствовании темы и содержания «Лейли и Меджнуна» поэма Навои была новым и ярким событием.

Алишеру Навои были хорошо известны как арабские легенды, так и поэмы Низами, Хосрова Дехлеви (1253—1325), крупнейшего представителя индо-персидской литературы, и не дошедшая до нас поэма Ашрафа (XV век). При создании своей поэмы «Лейли и Меджнун» Навои, следуя литературным традициям, стремился использовать их творчески и на их основе создать новое произведение, отвечающее насущным и важным вопросам своего времени.

События происходят в очень далекие времена, где-то в арабских пустынях. Но это лишь традиционные средства, усиливающие романтический колорит произведения. Судьба же Лейли и Меджнуна, их горькие приключения тесно связаны с эпохой Навои, когда феодально-клерикальная среда попирала элементарные человеческие права, устанавливала страшные по своей жестокости законы и обычаи. Богатые ценили людей не по их достоинствам, а по происхождению, имуществу, должности. Особенно тяжелым было положение женщины. Она была служанкой дома, пленницей паранджи и невольницей четырех стен. До замужества она была в полном подчинении отца, а после — мужа. В брак вступала не по желанию и согласию своему, а по воле родителей. Замужество было для нее несчастьем и трагедией на всю жизнь.

История сохранила примеры этих ужасов. Например, талантливая поэтесса Рабиа (X век) была заперта в бане и убита своим братом за то, что любила раба. Перед смертью она кровью исписала стены бани стихами о своей любви. Внук Тимура Халил Мирза и дочь самаркандского ремесленника поэтесса Шадимульк полюбили друг друга. Тимур запретил своему внуку жениться на дочери ремесленника. Жизнь Халил Мирзы кончилась в изгнании. Преданная своей любви Шадимульк на его могиле убила себя ударом кинжала в грудь. Разве трагедия Шадимульк не является трагедией Лейли в XV веке?

Алишер Навои своей поэмой поднял голос протеста против жестоких законов и обычаев своего века. Вместе с тем поэма — призыв к защите прав человека, его личности, его счастья.

Работая над «Лейли и Меджнуном», Навои стремился пополнить и развить жизненную, реальную суть поэмы, глубже осветить в ней трагическое начало. Он внес много изменений и дополнений в харак-

теры своих героев, в сюжет и композицию, уделил больше внимания внутреннему миру героев, активизировал образ Лейли.

В изображении жизненных сценок, обычаев и обрядов, церемониала и традиций Навои пользуется реальностью XV века.

«В изложении Навои,— отмечал большой знаток восточной поэзии профессор Е. Э. Бертельс,— предание о Меджнуне превращается в роман, в полном смысле этого слова, и притом роман для Переднего Востока крайне актуальный, поднимающий такой вопрос, как проблема брака» [1].

Хотя легенды и предания о Лейли и Меджнуне, а также поэмы Низами и Хосрова Дехлеви и были известны тюркским народам, в частности узбекам, тем не менее читать эти произведения на персидском языке большинство народа не имело возможности. Для них нужно было создать «Лейли и Меджнун» на родном языке. Если поэты, творившие на тюркском языке до Навои, создали в своих стихах лирические образы Лейли и Меджнуна, то Навои впервые на узбекском языке и в истории тюркских языков вообще создал целую поэму, сложные эпические образы Лейли и Меджнуна.

Таким образом, поэма Навои стала новой вехой в развитии содержания «Лейли и Меджнуна» и в истории развития родного языка. Поэма Навои уже пять веков является любимым произведением не только узбекского народа, но также азербайджанцев, туркмен, тюрков, татар и других народов.

«Лейли и Меджнун» Навои вдохновила многих поэтов и оказала плодотворное влияние на их творчество. Выдающийся азербайджанский поэт Физули (1498—1556), создавая свой вариант «Лейли и Меджнуна», учился у Навои. Обращался к поэме и поэт Маъдалихан (XIX в.). Умар Баки (XIX в.) создал прозаический вариант поэм «Фархад и Ширин» и «Лейли и Меджнун». Народные певцы на основе поэмы Алишера Навои создали фольклорный вариант «Лейли и Меджнуна». Опера «Лейли и Меджнун» (музыка Т. Садыкова), в основу которой положена поэма Навои, стала любимым сценическим произведением широких масс.

Благодаря переводу поэта С. И. Липкина «Лейли и Меджнун» Навои известна и доступна и русским читателям. С. Липкин занимается переводом поэзии Навои около 30 лет. Работа над поэмой «Лейли и Меджнун» была начата в 1939 г. и закончена к 1941 г. Перевод впервые был издан в 1943 г. с предисловием Е. Э. Бертельса.

---

[1] Родоначальник узбекской литературы, Сборник статей об Алишере Навои, Изд. УзФАН, Ташкент, 1940, стр. 47.

Прежде чем приступить к работе над переводом поэмы С. Липкин глубоко и всесторонне изучил жизнь и деятельность Навои, его эпоху, специфические особенности восточной поэтики. Большую помощь ему оказывали известный поэт и навоивед Х. Алимджан, ученые-востоковеды Е. Э. Бертельс, Х. Т. Зарифов и П. Шамсиев. В процессе перевода он получал от них квалифицированную консультацию.

Перевод поэзии — необычайно трудный, сложный и почетный творческий труд. Для этого нужно иметь глубокие и широкие познания, тонкий вкус, поэтическое сердце и большую любовь к делу. С. Липкин обладает этими достоинствами. О том, как он был восхищен величием Навои, когда приступил к переводу, поэт пишет:

«Могучую поэму о несчастной любви я воспринимал как произведение, служащее обществу. Навои стал великим поэтом потому, что противопоставил пустой, бездушной версификации истинную поэзию человеческого сердца, полную живой правды, живой боли, живого, пытливого разума. Навои ярко подчеркнул богоборческие черты в облике Меджнуна. Вместо молитвенной просьбы об исцелении из груди Кайса исторгается страстная проповедь бессмертной земной любви. Он обращается к богу:

Но все же я не говорю: «Спаси»,
Не говорю: «Мой пламень погаси»,
Не говорю: «Даруй мне радость вновь»,
Не говорю: «Убей мою любовь!»...
Достоин места я в твоем раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою!

Эти строки стали для меня волшебным ключом, когда я сделал первую попытку раскрыть древнюю поэму великого узбека для современного русского читателя».

В этом же переводе поэма была издана два раза в Москве и один раз в Ташкенте, отдельные главы вошли в разные сборники.

Данное издание «Лейли и Меджнуна» несколько отличается от прежних. Перевод еще раз тщательно сверен с оригиналом, пополнен новыми бейтами, исправлены ошибки прежних изданий. Сокращения в основном сделаны за счет традиционных вступлений и заключений, отдельных описаний.

Надеемся, что новое издание «Лейли и Меджнуна» будет способствовать еще более широкому ознакомлению народов нашей страны с творчеством великого узбекского поэта.

Н. Маллаев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая 5
Глава вторая 11
Глава третья 21
Глава четвертая 29
Глава пятая 36
Глава шестая 43
Глава седьмая 47
Глава восьмая 52
Глава девятая 56
Глава десятая 61
Глава одиннадцатая 66
Глава двенадцатая 71
Глава тринадцатая 81
Глава четырнадцатая 89
Глава пятнадцатая 94
Глава шестнадцатая 100
Глава семнадцатая 112
Глава восемнадцатая 118
Глава девятнадцатая 124
Глава двадцатая 133
Глава двадцать первая 143
Глава двадцать вторая 153
Глава двадцать третья 162
Глава двадцать четвертая 169
Глава двадцать пятая 177
Глава двадцать шестая 182
Примечания 197
Послесловие 203

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в 10 томах

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН, Т. V.

Редактор Издательства Б. Шульман
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор И. Н. Боева

Сдано в набор 17/I 1968 г. Подписано к печати 5/IV-68 г.
Формат 84×108¹/₃₂=3,25 бум. л.— 10,9+1 вкл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,0
Изд. № 748. Тираж 50 000. Цена 82 коп. Заказ № 2394.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

82N21

Армия Нафи